

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**СМЕРТЕЛЬНАЯ
ОБИДА**

У меня криминал
детектив и насилие
Волков Ре Монт
так дайте
жизнь!

Черная кошка

Николай Леонов

Смертельная обида

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Смертельная обида / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2023 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-185950-3

В своей квартире найден мертвым известный адвокат Леонид Чернухин. Смерть наступила от удара ножом в сердце. Здесь же была предсмертная записка: «...клиническая депрессия... не могу так дальше жить...». На первый взгляд, типичное самоубийство. Но полковники МВД Гуров и Крячко, расследующие дело, не верят в эту версию. В квартире стерты все отпечатки пальцев, вынесен мусор – на месте преступления явно был еще кто-то... Сыщики проверяют недовольных клиентов адвоката, его сына, вымогавшего у отца деньги на азартные игры, – у всех оказывается алиби. Кто же мог желать адвокату смерти? Ответ оперативникам подсказало похожее преступление, случившееся вскоре... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185950-3

© Леонов Н. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Смертельная опасность	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Леонов, Алексей Макеев

Смертельная обида

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Смертельная опасность

Глава 1

Гуров постучался и, услышав «войдите», шагнул в кабинет генерала Орлова. Верхний свет в помещении был выключен, горела только лампа на генеральском столе. Она бросала мягкий рассеянный свет на знакомую обстановку: стол самого начальника Главка, длинный стол для совещаний, шкафы со справочниками и другой нужной литературой. Все выглядело таким уютным, мирным, что не верилось, что этот уютный кабинет является штабом борьбы с кровавыми преступлениями. Сейчас хозяин кабинета сидел на своем обычном месте и читал какой-то документ.

– Вызывали, товарищ генерал? – спросил Гуров.

– А ты что думал – что я тебя чай приглашаю попить? – ответил Орлов. – Чай потом будем пить, когда дело сделаем. Вон, давай садись поближе и послушай, что я тебе скажу.

Гуров сел и приготовился слушать. За долгие годы совместной работы с генералом он научился различать малейшие оттенки его настроения – улавливать их по голосу, по выражению лица, даже по наклону головы. И сейчас он видел, что начальник Главка обеспокоен, даже встревожен. «Что же такое могло случиться? – подумал Гуров. – Вроде бы в сводках ничего особенного не было...»

Орлов дочитал документ и поднял глаза на Гурова.

– Да, Лев Иванович, чай мы с тобой будем пить позже, – повторил он. – А сейчас нам надо разобраться с этими тремя смертями. Неприятное дело, очень неприятное!

– Три смерти? – насторожился Гуров. – А почему же в сводках за последние дни ничего не было?

– Не было, потому что две смерти вроде как не по нашему ведомству, а третья согласно заключению врачей... Впрочем, подожди, не буду забегать вперед. Сейчас я тебе все по порядку изложу.

Генерал перелистал лежавшие перед ним бумаги и вновь заговорил.

– Речь у нас пойдет о Рубцовске. Город, как ты понимаешь, не слишком известный. Прямо можно сказать, тихое место, где ничего не происходит. И вот мне стало известно, что в этом спокойном городишке еще две недели назад погиб один из сотрудников тамошнего Управления, начальник отдела полковник Дятлов.

– Две недели назад? – Гуров удивился еще сильнее. – Но я и две недели назад такого сообщения в сводках не помню. Полковник полиции не каждый день погибает. Если бы такое случилось, я бы обязательно обратил внимание.

– И ты бы обратил, и я бы тоже заметил, – отозвался Орлов. – Но дело в том, что согласно заключению экспертизы полковник не был убит – он сам застрелился. Заперся в своем кабинете и там выстрелил себе в сердце из табельного оружия. И поэтому руководство рубцовского Управления не стало включать этот случай в сводку криминальных происшествий.

– Но почему вы этим случаем в итоге заинтересовались? – спросил Гуров.

– А тут помог волшебник по имени интернет, – ответил генерал. – Мне на электронную почту пришло сообщение из неизвестного почтового ящика. В нем говорилось, что смерть полковника Дятлова – вовсе не самоубийство, что этим эпизодом надо поинтересоваться. А самое интересное – в этом послании говорилось о еще двух смертях.

– Тоже среди полицейских?

– Нет, на этот раз погибшие – гражданские лица. И проходят, так сказать, не по нашему ведомству. Речь идет о людях, умерших в тамошнем СИЗО. Ведомство, может, и не наше, но,

когда я сопоставил эти две смерти с гибелью полковника Дятлова, я предположил, что тут дело нечисто. В общем, я поручаю эти случаи тебе, Лев Иванович. Езжай в Рубцовск, разберись, что там случилось с полковником и почему начали умирать заключенные.

– Значит, это, так сказать, внутреннее расследование... – задумчиво произнес Гуров. – Задание понятно. Только тут вот какое дело, товарищ генерал. Как вы знаете, в таком деле мы не можем полагаться на помощь местных коллег. Наоборот – с их стороны можно ожидать противодействия.

– Есть такое дело, – согласился Орлов. – И что же?

– В таком случае мне будет трудно одному там работать, – объяснил Гуров. – Позвольте взять с собой Стаса Крячко. С ним вдвоем...

– Можешь не продолжать, – прервал его Орлов. – Не надо мне доказывать полезность работы в паре. Я сам хотел тебе предложить взять кого-то еще; ты меня просто опередил. Как вариант, можно создать что-то вроде бригады. Может быть, взять с собой экспертов, специалистов... А еще ты, наверное, захочешь явиться в Рубцовск скрытно, не представляясь тамошнему начальству. И с этим я согласен. Езжайте скрытно, работайте тихо. Но при этом постоянно держите со мной связь. Если что – я моментально вышлю вам на помощь дополнительные силы. Еще какие-то вопросы остались?

– Нет, товарищ генерал, вопросов больше нет, – сказал Гуров. – Спасибо за предложение взять с собой побольше народу, но я от этого, пожалуй, откажусь. С вашего разрешения, кроме Крячко, я бы взял с собой капитана Диму Ряшенцева.

– Это такой молодой, на совещаниях все шутить норовит?

– Да, молодой. Но я имел возможность убедиться, что он хороший специалист. И отличный сыщик. Мне кажется, мы втроем справимся.

– Хорошо, бери этого шутника, я не возражаю, – кивнул Орлов.

– В таком случае разрешите идти?

– Иди, Лев Иванович, – махнул рукой генерал. – Да, вот возьми эту папку. Сведений тут немного, но что-то ты отсюда, я думаю, извлечешь. Удачи!

С таким напутствием начальника Главка Гуров покинул его уютный кабинет. И с тонкой папкой документов в руках направился к себе. У себя в кабинете он сел за стол и внимательно прочитал все, что лежало в полученной папке, тем более что сведений там было немного. После этого Гуров сел и минут пятнадцать сидел неподвижно, не делая никаких записей. Он обдумывал ситуацию, осмысливал каждый факт. А затем позвонил Стасу Крячко и капитану Ряшенцеву и предложил им незамедлительно прийти к нему.

Спустя несколько минут эти двое явились почти одновременно, чуть в дверях не столкнулись. Когда они входили вот так, вместе, стало особенно заметно, какие они разные. Полковник Стас Крячко был высокий силач, типичный оперативник, способный в одиночку задержать опасного вооруженного преступника. А худощавый, жилистый Дмитрий Ряшенцев был и моложе, и ниже Крячко, но быстрый, глазастый, хватистый. Войдя, они сели к столу, и Гуров объяснил, зачем он их вызвал. Он рассказал о странной гибели полковника Дятлова в Рубцовске – смерти, не попавшей в обычную сводку происшествий, а также о гибели двух заключенных в СИЗО. А затем перешел к постановке задачи.

– Нам предстоит эти три смерти расследовать, – сказал он. – Какие я тут вижу сложности? Главная сложность – что мы не можем рассчитывать на помощь наших коллег в Рубцовске. Раз уж они решили скрыть сам факт смерти своего важного сотрудника, с какой стати они нам будут помогать?

– Скорее, палки в колеса будут ставить, – согласился Крячко с другом. – И не только палки. Мы с тобой, Лев, помним такие ситуации.

– Да, есть такой негативный опыт, – кивнул Гуров. – Правда, у нас есть в Рубцовске неизвестный нам доброжелатель, который прислал генералу Орлову ту самую информацию.

Но кто он, и захочет ли нам помогать – этого мы не знаем. Поэтому я предлагаю действовать в городе скрытно. По крайней мере, вначале будем работать тихонько. Если потом увидим, что местная полиция к нам со всей душой, что никакого криминала в ее действиях нет, – мы выйдем из подполья. Но поперву давайте сделаем так: открыто в Рубцовск поедет только Стас. А мы с Дмитрием приедем скрытно.

– Но почему открыто поеду я, а не ты? – удивился Крячко. – Все знают, что мы с тобой работаем вместе, но я – всегда вторым номером.

– Потому что, если поеду я, местное руководство сразу поймет, что здесь, в Москве, их делам придают большое значение, – стал объяснять Гуров. – Они это поймут и затаятся. А так ты приедешь и представишь свой визит как обычную плановую проверку, как чистую формальность. Ну, и местное руководство будет обращаться с тобой соответственно. Будет возить тебя на охоту, в баньку, на шашлыки... Представляешь, какая жизнь тебя ожидает?

– Представляю, – мрачно отозвался Крячко. – Меня ждет несварение желудка и смерть от алкоголизма.

– Ну почему обязательно смерть? – возразил третий участник разговора, капитан Ряшенцев. – Ведь товарищ полковник отличается богатырским здоровьем...

– Да, отделается легким недомоганием, – подхватил Гуров. – А мы с капитаном в это время будем действовать, ничем не связанные. Так что ты, Стас, поедешь в Рубцовск поездом. А мы с капитаном отправимся на моей машине. Только номера на ней надо будет сменить на местные. Ни к чему светиться с московскими номерами.

– Ладно, уговорил, – все еще с обиженным видом, но уже смирившись с неизбежным, сказал Крячко. – Когда выезжать – завтра?

– Да, ты выедешь завтра, – кивнул Гуров. – Прие дешь, представишься, побеседуешь с начальником Управления, с начальниками отделов. В общем, наберешь какую-то первичную информацию. А мы с капитаном приедем спустя сутки.

– И зачем тебе эти сутки? – спросил Крячко. – Пистолет будешь до блеска чистить?

– Нет, не пистолет, – хмыкнул Гуров. – Прежде чем отправляться в бой, надо хорошенько изучить театр военных действий. Я хочу поднять всю статистику по Рубцовску. И не только по преступлениям, но и по их жизни вообще. Может, найдется какая-нибудь зацепка. Заодно пороюсь в своей записной книжке – не отыщется ли кто-то знакомый в тамошних органах. Нам очень нужен объективный источник информации в этих местах. Кстати, и вам двоим было бы неплохо заняться такими поисками.

– Сегодня же займусь, Лев Иванович, – пообещал Ряшенцев.

– Вот, а еще я сменю номера на машине и поищу какой-нибудь хостел или частную квартиру, где не спрашивают имя постояльца, – добавил Гуров. – Думаю, суток на все это хватит. Так что выедем мы послезавтра.

– Значит, я беру билет на завтра, 4 сентября, – заключил Крячко, поднимаясь. – Интересно, что там у них стряслось? Я так чувствую, что речь идет о взятке. Точнее, о системе взяток и откатов. Этот самый полковник Дятлов, небось, занимался этим делом очень увлеченно, а руководство его разоблачило. Вот и пришлось бедняге использовать табельное оружие...

– А заключенные в СИЗО – что, тоже взятки брали? – скептически произнес Гуров.

– Нет, почему взятки? Они могли... ммм... быть посредниками...

– Кстати, а в документах, которые вам дали, есть информация, от чего они умерли? – спросил Ряшенцев.

Гуров покачал головой:

– Никакой информации. Вот тебе, Стас, кстати, особое задание: узнать все обстоятельства смерти этих людей. Тебе по официальной линии это будет сделать гораздо легче, чем нам. А вообще предлагаю тебе не строить сейчас никаких гипотез. Ты же знаешь мое правило:

пока нет информации – нет почвы для построения версий. Вот приедем, что-то узнаем – тогда можно будет и версии строить.

– Да, а еще нам надо продумать систему связи, – напомнил Ряшенцев. – С телефонами, сами понимаете, стоит быть осторожней. Лично я собираюсь взять с собой кнопочный. А кроме того, неплохо бы подыскать какой-то пункт для встречи. Зброшенный дом или цех...

– Уж лучше заброшенную баню... – заявил Крячко с серьезным видом.

Гуров усмехнулся, затем произнес:

– К чему такие сложности? Подыщем какое-нибудь кафе на отшибе, там и будем встречаться за порцией борща. А в первый вечер подъедешь на квартиру, которую мы с капитаном снимем. Там и проведем первое оперативное совещание. В общем, перед отъездом встретимся еще раз, наметим план действий – и вперед.

Глава 2

Как Гуров и намечал, в Рубцовск они приехали к вечеру. Город произвел на сыщика приятное впечатление: много зелени, много красивых новых домов, а старые здания – XVIII–XIX веков – отремонтированы. Дороги были в хорошем состоянии, что для Гурова, который сидел за рулем, было важно.

Квартира, которую сыщик снял через интернет, находилась на окраине. Гуров боялся, что жить предстоит в жуткой дыре, тонущей в грязи, но он ошибся: здесь тоже царили порядок и чистота. Дом был стандартный, девятиэтажный. Возле подъезда, где находилась нужная им квартира, сыщиков ожидал деловитый молодой человек. Он назвал код, которым открывался подъезд, поднялся вместе с постояльцами на восьмой этаж, где открыл дверь в жилище. Как и значилось в объявлении, здесь были две комнаты и кухня. Убедившись, что вода из кранов течет, душ работает и вообще все в порядке, а также получив от молодого человека ключ, сыщики его отпустили и стали обустраиваться на новом месте.

За этим занятием их и застал звонок домофона. Как и ожидалось, это был Стас Крячко. Он осмотрел обиталище оперативников, остался, в общем, доволен, после чего стал выкладывать из сумки принесенную провизию. Когда уже весь стол был заставлен едой, а холодильник забит до отказа, капитан Ряшенцев решил высказать удивление.

– А зачем так много, товарищ полковник? – спросил он. – Мы ведь и сами можем все нужное купить. Или сходить в кафе. И потом, вы столько всего набрали, словно мы тут месяц собираемся жить.

– А ты на какой срок рассчитывал? – спросил Крячко.

– Ну, не знаю... Я своим домашним сказал, что еду на неделю. А что, мы тут дольше пробудем?

– Все может быть, – сказал Крячко, и сразу чувствовалось, что никакой шутки в его словах нет; оперативник был предельно серьезен. – Все может быть, – повторил он. – А мой друг Лев, чтобы ты знал, капитан, обладает таким нехорошим свойством: во время расследования он начисто забывает о еде. Сутками может не обедать, не ужинать. Утром кофе выпьет – и снова бегом по горячему следу. А такое поведение, как ты знаешь, чрезвычайно вредно для пищеварения. Да и вообще для здоровья. Поэтому Мария, супруга Льва Ивановича, меня в свое время попросила в период совместных командировок присматривать за тем, чтобы полковник Гуров регулярно принимал пищу. Причем желательно – горячую пищу. Я вижу, у вас тут и кастрюли на кухне имеются, и микроволновка. Так что есть возможность готовить горячее. И теперь на тебе лежит ответственность за то, чтобы твой начальник за время операции... ну, назовем ее «Смерть полковника» – сам не стал трупом. Или не заработал язву желудка.

– Задание понял, – доложил Ряшенцев. – Но вы мне не сказали, сколько времени эта операция продлится.

– Сейчас выскажусь и на этот счет, – пообещал Крячко. – Вот сядем за стол, съедим по порции пельменей, тогда я изложу, что мне удалось узнать за последние сутки. Вот, воду я поставил. А ты, капитан, давай, накрывай на стол. Где тут у вас тарелки?

Спустя двадцать минут пельмени сварились. Крячко разложил еду по тарелкам, все сели и принялись за еду. Когда первый голод утолили, Крячко поведал о своих впечатлениях.

– Встретили меня необычайно сердечно, – рассказывал он. – Просто как родного приняли. Все было так, как ты и предвидел, Лев: номер в лучшей гостинице, баня, обед в ресторане... Завтра поедем на охоту. В общем, полная программа «Как ублажить ревизора». Потому что меня тут принимают за ревизора, присланного из центра. Ну я особо не возражаю – пусть их.

– Рад, что ты так хорошо устроился, – сказал Гуров. – А что насчет информации по нашему делу? Удалось что-нибудь узнать?

– Как ты сам понимаешь, в такой обстановке можно узнать только официальную версию событий, – отвечал Крячко. – Что-то сверх этой версии удастся прочитать только помимо слов – по тону рассказа, по выражению лиц, по разного рода недомолвкам. В общем, позиция руководителей Управления такая. Полковник Иван Семенович Дятлов был человеком неуживчивым. Ко всем придирался, вечно был всем недоволен. По всем вопросам имел особое мнение. И вообще хотел подсадить генерала Потапова, чтобы самому возглавить Управление. Но тут руководство затеяло плановую проверку – и в отделе Дятлова вскрылась растрата денежных средств. Кроме того, нашлись два бизнесмена, которые написали заявления, что Дятлов вымогал у них деньги. В общем, крайне некрасивая история. Когда полковник понял, что выкрутиться ему не удастся, что предстоит суд, он решил пустить себе пулю в лоб.

– В общем, примерно то самое, что ты и предполагал еще в Москве, – заметил Гуров. – Так что ты можешь быть доволен, что оказался такой прозорливый.

– Может, и могу, но я почему-то недоволен, – сказал в ответ Крячко. – Там, в Москве, я мог согласиться с этой версией событий. Но здесь, увидев генерала Потапова, его заместителей, я не поверил в то, что покойный Дятлов был взяточником. Но хозяевам я о своем недоверии, конечно, не сказал. Сделал вид, что скушал их блюдо и не поморщился. В общем, ничего я тут не узнал, никакой информации. Все надо самим искать.

– Этот момент понятен, – кивнул Гуров. – А что насчет заключенных? Они тоже брали взятки и застрелились? Или объелись ананасов?

– Хорошо, перейдем к заключенным, – откликнулся Крячко. – Официальная версия здесь такая. Заключенные Илья Деменюк и Сергей Чердынцев были людьми совершенно отмороженными. Сидели за грабежи и вымогательство и тем же самым продолжали заниматься в СИЗО – вымогали деньги у сокамерников. Между ними возник конфликт с поножовщиной, и в ходе ссоры они друг другу зарезали.

– Но так не бывает! – воскликнул Ряшенцев. – Я мог бы поверить, что один из них убил другого, но что оба нанесли друг другу смертельные удары – я таких случаев даже не помню.

– Вот и я не помню, – согласился Крячко. – То есть я пришел к выводу, что и здесь перед нами сплошная туфта. Причем местное руководство даже не слишком старалось, чтобы придать своей версии хотя бы видимость правдоподобия. Мне потребовалось буквально только пальцем пошевелить, чтобы убедиться, что официальное заключение – вранье. Я поднял дела этих двоих и убедился, что сидели они не за грабежи, а как сбытчики.

– Героин или кокаин? – уточнил Ряшенцев.

– Всего понемногу. Никаких сведений о вымогательстве денег у сокамерников я не обнаружил. Зато заметил, что оба заключенных сидели по четыре месяца и почти половину этого срока провели в СИЗО.

– Знакомая картина, – кивнул Гуров. – Такое впечатление, что у этих парней вымогали показания.

– Вот именно, – хмыкнул Крячко. – Здесь у нас валютой служат не рубли, а нужные показания, которые можно подшить в дело. И что в итоге получается? Получается сплошной обман. А это означает, что прав был не я, а ты, Лев. И что узнать правду можете только вы, действуя неофициально и скрытно.

– Я так и думал с самого начала, – сказал Ряшенцев. – И с чего мы начнем эту свою подпольную работу, Лев Иванович?

– Да, Лев, теперь пора тебе изложить свой план кампании, – поддержал коллегу Крячко. – Ты вроде хотел поискать какого-нибудь человека в здешних органах, к которому можно бы было обратиться. И какой результат твоих поисков? Нашел кого-нибудь?

– Представь себе, кое-какой результат есть, – отвечал Гуров. – Понимаешь, в полицейских кругах все друг друга знают. Особенно если ты давно работаешь и встречался по работе с множеством людей. Так что я поспрашивал своих друзей, просто коллег, кого давно знаю: нет ли у кого надежного человека в Рубцовске? И мне такого человека подсказали. Даже двух таких людей. Один – капитан Леонид Башмаков. Он служит в отделе борьбы с экономическими преступлениями. Мне его рекомендовал полковник Сергей Муравьев – ну, ты, Стас, его знаешь. А другой надежный человек... Другого человека мне рекомендовал всем нам хорошо известный полковник Воронин. И этот его надежный человек – полковник Дятлов Иван Семенович...

– Вот оно как! – Крячко покачал головой. – Выходит, чутье меня не подвело. Если уж такой человек, как Илья Ильич Воронин, рекомендует этого Дятлова, значит, он точно порядочный человек. А стало быть, все, что мне говорил начальник здешнего Управления про неуживчивый и склочный характер Дятлова, про взятки и прочее – чистая туфта.

– Несомненно, – согласился Гуров. – Следовательно, Дятлов, как честный человек и полицейский, встал здешнему руководству поперек дороги. И его устранили. Чем он так им помешал? Какие язвы хотел вскрыть? Вот это нам и предстоит узнать. И в этом нам поможет второй названный человек – этот самый капитан Башмаков.

– Если только его тоже не устранили, – заметил Крячко. – А мы об этом еще просто не знаем.

– Да, такая опасность существует, – кивнул Гуров. – Однако не будем гадать. Сейчас мы этот контакт проверим. И проверять будешь ты, капитан.

Он повернулся к Ряшенцеву.

– Вот тебе телефон Башмакова. Позвони ему, представься и скажи, что ты звонишь из Москвы по рекомендации полковника Муравьева и что тебе нужно посоветоваться относительно некоторых способов ухода от налогов. А там послушаешь, что он тебе скажет. Если не захочет разговаривать – это будет одна история. А если пойдет на контакт – говоришь, что находишься вовсе не в Москве, а здесь, в Рубцовске, и назначаешь встречу.

– Но к чему такие сложности, Лев Иванович? – удивился Ряшенцев. – Не проще ли сразу сказать, в чем дело? И вообще мне кажется, было бы правильней звонить вам, а не мне...

– Не спорь со старшими по званию – в угол поставят, – назидательно произнес Крячко. – Лев дело говорит. Вот сейчас он тебе все объяснит.

– Прямо сказать, что ты в Рубцовске, и объяснить, зачем приехал, нельзя, – принялся раскладывать по полочкам Гуров. – А что, если этот Башмаков перешел на чужую сторону?

– Ну, на темную сторону силы, понимаешь? – добавил Крячко.

– В таком случае мы сразу выдадим противнику все наши планы, – продолжал Гуров, не обратив внимания на реплику Крячко. – И мне самому нельзя звонить сразу, по той же причине. Меня все знают. Если начальник Управления узнает, что я приехал, он сразу сообразит, что на него началась серьезная охота, и заляжет на дно, постарается уничтожить все улики, а заодно и свидетелей. Нет, прежде чем разговаривать с этим Башмаковым откровенно, сообщать ему о наших планах, нужно убедиться, что он свой человек. Вот эту задачу ты и должен решить. Если мы убедимся, что капитану можно доверять, тогда уже в игру вступлю я. И я буду с ним беседовать.

После этого Гуров повернулся к Крячко.

– А ты, Стас, должен встретиться с вдовой полковника Дятлова, – сказал он. – Ты человек опытный, долго объяснять, о чем спрашивать и как делать выводы, не надо. Ты сразу многое поймешь уже по первым словам этой женщины. И если сумеешь завоевать ее доверие, сможешь многое узнать о том, что происходит в Рубцовске и отчего погиб ее муж. И лучше всего провести эту встречу сейчас, не откладывая. Провести, пока люди генерала Потапова не знают, где ты находишься и что собираешься делать. Ведь за тобой не было слежки, когда ты явился сюда к нам?

– Ты меня прямо обидеть хочешь, Лев Иванович, – отозвался Крячко. – Неужели бы я вошел в этот дом, если бы у меня было хоть малейшее подозрение, что я привел сюда «хвост»? Нет, конечно, генерал не знает, что я здесь.

– Вот и прекрасно, – заключил Гуров. – Телефон вдовы, я надеюсь, ты успел узнать?

– Успел, – кивнул Крячко. – И вдовы, и старшей дочери.

– Тогда звони и иди встречайся, – сказал Гуров. – А ты, капитан, звони своему коллеге капитану Башмакову. Его телефон я тебе дал. Ну, а я посижу, подожду результатов ваших переговоров.

Крячко, чтобы вести переговоры с вдовой погибшего полковника Дятлова, ушел на кухню, а Ряшенцев стал звонить, не сходя с места. А Гуров слушал их переговоры и уже вскоре мог догадаться о их результатах. Первым эти результаты доложил Ряшенцев.

– Башмаков ответил мне охотно, – начал рассказывать он. – Сказал, что хорошо помнит полковника Муравьева, у которого он стажировался, помнит и других сотрудников Главка. И что даст мне подробную консультацию по электронной почте, и адрес своего почтового ящика оставил. А в конце добавил: «А если останутся еще какие-то вопросы, то их лучше задать при личной встрече. Тогда приезжайте к нам в Рубцовск, приходите ко мне в Управление, там и поговорим. Или заходите в кафе «Дорожное», я там обычно обедаю». Я обещал, что внимательно изучу его ответы по почте, но личный контакт желателен. Так что я, скорее всего, приеду в Рубцовск. На этом наш разговор и закончился.

– Что ж, можно считать, что это хороший результат, – заключил Гуров. – Я его понимаю следующим образом. Капитан Башмаков, во-первых, понял, что на самом деле тебя интересуют не вопросы ухода от налогов, а события в Рубцовске. Во-вторых, он, видимо, догадался, что ты находишься здесь, в его родном городе. Иначе зачем ему сообщать тебе название кафе, в котором он любит обедать? А в-третьих, он фактически назначил тебе встречу в этом кафе. Так что тебе надо написать ему по адресу, который он тебе оставил, и в этом письме между строк намекнуть, что ты хочешь с ним встретиться, и назначить время – но так, чтобы посторонние об этом не догадались. Что ж, завтра, надеюсь, вы встретитесь, и мы получим достоверную информацию о происходящем в городе Рубцовске. Так, а что у тебя, Стас?

Этот вопрос был адресован Крячко, который только что вернулся с кухни.

– У меня ничего хорошего, – отвечал тот. – Я имел беседу с Валентиной Ивановной Дятловой – имя и отчество женщины я узнал заранее, из личного дела погибшего полковника. И большую часть времени я потратил на то, чтобы ее успокоить и убедить не бросить немедленно трубку.

– То есть она не хотела говорить? – уточнил Гуров.

– Категорически не хотела, – подтвердил Крячко. – Все время твердила: «Я ничего не знаю», или «Я уже все рассказала, что от меня хотели узнать», или «Оставьте меня наконец в покое». Напрасно я говорил, что хочу восстановить доброе имя ее мужа, которого обвиняют во взятках, в других неблагоприятных делах, представляют склочником. Никакие уговоры на нее не действовали. А когда я спросил про дочь, не захочет ли она защитить доброе имя отца, Валентина Ивановна впала в истерику и стала кричать, что она не даст запугать дочь, что мы свиньи, такие и сякие. И единственное, что я от нее узнал – что дочь Ирина уехала в Москву, бросила работу, квартиру и сейчас живет где-то в столице, скрываясь от всех знакомых из Рубцовска. Вот такой печальный итог моего разговора.

– Не такой уж он и печальный, – отреагировал на это Гуров. – Я вообще не ожидал слишком многого от звонка этой Валентине Ивановне. В нашей профессии мужья редко делятся с женами служебными тайнами. Предпочитают вообще не обсуждать эти дела в семейном кругу. Так что если мы и могли получить от этого разговора какую-то информацию, то, скорее, негативную. То есть Валентина Ивановна могла, допустим, сообщить, что муж не приносил домой лишних денег, что они не стали в последнее время жить не по средствам. Она этого не сказала?

– Нет, о жизни семьи она ничего не говорила, – ответил Крячко. – Да она вообще ничего не говорила!

– Понятно. Но кое-какую информацию мы получили. Мы узнали, что жена погибшего полковника крайне испугана. Что ее так напугало? Ведь не слухи о плохом характере мужа или о его взятках! Ее бы это возмутило, но вряд ли перепугало. Значит, мы можем предположить, что Валентине Ивановне угрожали. Кто ее запугал, причем настолько, что она боится говорить с сотрудником полиции? Не бандиты, нет. Можно предположить, что ей угрожали такие же полицейские. Таким образом, мы выходим на генерала Потапова или кого-то из его окружения.

Крячко в задумчивости покачал головой.

– Значит, придется иметь дело с оборотнями в погонах, – сказал он. – Тяжелое дело, хуже всего, что можно представить. Помнишь, мы расследовали подобную ситуацию в Ейске Краснодарского края, а еще в Астрахани? В первом случае речь шла о переделе земельных угодий, во втором – о браконьерстве, о знаменитой черной икре. А что же могло послужить источником сверхдоходов здесь, в тихом степном городе?

– Везде может найтись что-то ценное, – отвечал на это Гуров. – Не забывай, что Рубцовск находится близко к границе. Из этой близости можно извлечь большие доходы. Но не будем гадать. Завтра Ряшенцев встретится с капитаном Башмаковым, и мы многое узнаем. А тебе, Стас, надо наведаться в тюрьму и постараться выведать подлинную причину смерти тех двух заключенных. Мы должны прорвать завесу лжи, которой нас пытаются окружить!

– Да, стряхнуть лапшу, которую нам вешают на уши! – согласился Крячко с куда меньшим пафосом.

Глава 3

После ужина, когда Крячко ушел к себе «в лучшую гостиницу города», куда его устроило руководство Управления, Гуров и Ряшенцев убрали со стола и занялись каждый своим делом. Гуров сел изучать документы, которые ему выдал перед поездкой генерал Орлов, а Ряшенцев включил ноутбук и открыл почтовый ящик. Там уже лежало письмо от капитана Башмакова. Капитан сообщал свой адрес, а также писал: «Я готов выложить 14 документов по вопросу об уходе от налогов. Если этого будет мало, я еще 30 дней готов высылать такие документы».

Это письмо вызвало у Ряшенцева недоумение, и он обратился за помощью к Гурову. Тот глянул на письмо и уверенно ответил:

– Тут все ясно. Башмаков назначает тебе встречу и сообщает время. Место встречи он уже обозначил в вашей переписке – кафе «Дорожное». А тут говорится о времени: 14.30. Умный парень этот Башмаков. И это дает надежду, что с его помощью мы здешний клубок распутаем. Только ты уж постарайся при встрече оказаться на уровне твоего коллеги. Я вижу, что он все схватывает с лету. Вот и ты так постарайся.

– Но к чему такие сложности, шифры эти? – недоумевал Ряшенцев.

Гуров хмыкнул:

– А к тому, дорогой мой коллега, что капитан Башмаков опасается слежки. Если его заподозрят в недостаточной лояльности к деятельности руководства местного Управления, он может последовать за полковником Дятловым, понимаешь? Вот и шифруется мужик. И правильно делает, мало ли кто в его почту может заглянуть?

На следующий день ровно в 14 часов 30 минут Ряшенцев вошел в указанное в письме кафе. Он внимательно оглядел помещение и заметил сидящего за столиком в дальнем углу молодого парня. Парень был в гражданской одежде: джинсы, легкий свитерок. Он ничем не походил на полицейского, тем более на оперативника. И он был даже моложе самого Ряшенцева – ему было примерно 27–28 лет, не больше. Больше всего он был похож на офисного работника, зашедшего в это рабочее кафе перекусить. Тем не менее Ряшенцев сразу понял, что это и есть Леонид Башмаков. Слишком жестким и цепким оказался взгляд у этого парня.

В «Дорожном» не было обычных официантов, заказ надо было делать у стойки. Ряшенцев выбрал себе обед и попросил принести за столик, за которым сидел «офисный работник». После этого он сам направился к этому столику. Подойдя, сказал:

– А, привет! Ты уже здесь, я вижу.

Они обменялись рукопожатиями и сели. Оба, не стовариваясь, держали себя так, словно были давно знакомы. Перед Леонидом уже стоял его заказ. Тем не менее он не стал есть, дождался, пока принесут заказанное Ряшенцеву. Они вместе приступили к еде, и тогда Башмаков заговорил:

– Как я понимаю, ты приехал в связи со смертью Ивана Семеновича?

– Ты про Дятлова? – уточнил Ряшенцев. – Ну да, из-за этого. Руководство Главка хочет разобраться в этой ситуации. В Москве не верят в объяснения, которые дает ваше руководство.

– И правильно делают, что не верят, – кивнул Башмаков. – Это не объяснение, а подделка, причем на редкость топорная. В Рубцовске каждый, кто имел дело с полицией, знает, что Дятлов был человеком безупречной честности, настоящим порядочным человеком. И он никогда бы не покончил с собой – не тот типаж.

– Значит, его убили? – спросил Ряшенцев.

– Конечно, убили, – кивнул Башмаков. – Но не спрашивай меня, кто это сделал – этого я не знаю. Думаю, тут использовали нанятых киллеров – в полиции вряд ли бы нашлись люди, даже самые бессовестные, кто бы поднял руку на полковника Дятлова.

– Ладно, об убийцах я тебя спрашивать не буду, – обещал Ряшенцев. – Тогда скажи: из-за чего весь этот сыр-бор? Что такого мог узнать Дятлов, из-за чего его потребовалось убивать?

– Этого я тоже в точности не знаю, – отвечал Башмаков. – Но я знаю, что последние два месяца Иван Семенович интересовался делами транспортной компании «Фаворит-Р», ее директором Русланом Безруковым. А у нас в городе, должен тебе сказать, с Русланом Безруковым никто связываться не хочет.

– Ну-ка, ну-ка, это интересно, – оживился Ряшенцев. – Расскажи мне, что это за Безруков, почему он такой страшный, почему его все боятся?

– Безруков в прошлом был мелким бандитом, – начал рассказывать Башмаков. – Обычный боец в банде известного авторитета Барсука. В конце 90-х всех авторитетов или поубивали, или посадили, а вот мелочь, вроде Безрукова, смогла выбиться в люди. Он создал свою компанию, занялся перевозками. Только бизнес у него был своеобразный: все конкуренты фирмы «Фаворит» бесследно исчезали. Или с ними случались разные несчастья. А их предприятия поглощал тот самый «Фаворит». Сейчас эта компания контролирует почти половину всех грузовых перевозок на территории области.

– А как же вашему рукастому Безрукову это все сходило с рук? – удивился Ряшенцев. – Неужели правоохранительные органы им ни разу не заинтересовались?

– Интересовались, и не раз, – отвечал Башмаков. – И даже уголовные дела на него возбуждали. Но эти дела, как правило, не доходили до суда или разваливались в суде. Известно, что Безруков водит дружбу с такими людьми, как прокурор Тимур Султанов и судья областного суда Елена Потрясилова. Но до последнего времени влияние этого бандита на городские дела было все же ограниченным. Ограничивал его прежний начальник нашего Управления Аркадий Серебряков. Но в январе Серебрякова перевели в Москву, на повышение, а нам прислали генерала Потапова. И с этого момента Безруков вошел в полную силу. Они с Потаповым сразу нашли общий язык. И теперь даже речи не может идти о том, чтобы расследовать какие-то незаконные действия Руслана Безрукова. Единственный, кто попробовал бросить вызов этому всевластному бандиту, стал полковник Дятлов. И ты уже знаешь, что из этого вышло.

– Но на чем держится влияние этого бывшего бандита? – продолжал интересоваться Ряшенцев. – Подумаешь, крупная транспортная компания! Такие компании в каждом городе есть. У этого вашего местного Рокфеллера должны быть какие-то источники сверхдоходов, из которых он платит и прокурору, и судье, и вашему генералу, и себе на жизнь еще остается. Что это за источник?

– Этого я тебе не скажу, – отвечал Башмаков. – Этого я достоверно не знаю. Знаю только, что Дятлов расследовал деятельность Безрукова и в рамках этого расследования задержал двух граждан – Деменюка и Чердынцева.

– Так это те самые заключенные, которые умерли в тюрьме! – воскликнул Ряшенцев.

Кажется, он это произнес слишком громко; из-за соседних столиков на них оглянулись. Капитан учел свой промах и продолжал уже тише:

– Эти смерти мы тоже хотим расследовать. Пока что ваше руководство дает такое официальное объяснение: что это двое рецидивистов, отпетых уголовников, которые боролись за власть среди заключенных. В ходе этой борьбы вступили в схватку, и она оказалась смертельной: бандиты друг дружку зарезали.

– Seriously? – изумился Башмаков. – Наши так утверждают? Но это же... Просто смех, да и только.

– Да, было бы смешно, если бы не было так грустно, – заметил Ряшенцев.

– Нет, правда, так говорить можно только в шутку, – продолжал Башмаков. – Тут верно только одно: что оба этих гражданина были далеко не ангелы, каждый имел по паре судимостей. Но они были совсем не то, что называют «авторитеты». Обыкновенные сбытчики, сидели, насколько мне известно, по 282-й статье. Уже не говоря о том, что почти никогда не бывает так,

чтобы два человека вступили в поножовщину и оба погибли. Гибнет кто-то один, другой выходит победителем. И вообще, бандиты перестали уважать ножи, сейчас в основном пользуются пистолетами, карабинами. Нет, эти двое погибли совсем не так, их смерть надо расследовать. Но погоди, капитан, тут возникает вопрос. Ты сказал: «Эти смерти мы тоже хотим расследовать». Выходит, ты не один приехал в Рубцовск? Кто эти «мы»? Кто еще с тобой прибыл?

Ряшенцев восстановил в памяти инструкции, которые ему дал Гуров, и решил, что наступил тот момент, когда можно раскрыть карты.

– Нет, не один, – сказал он. – Со мной приехал полковник Лев Гуров. Мы ведем расследование негласно, не представляясь руководству вашего Управления. А полковник Крячко приехал открыто, и его теперь возят по всяким турбазам, потчуют шашлыками и не говорят ни слова правды.

– Вот оно что! – уважительно протянул капитан Башмаков. – Значит, сам Гуров к нам приехал! Ну в таком случае есть надежда, что наши здешние темные дела выйдут наружу и получат должную юридическую оценку. Это просто замечательно! Я постараюсь оказать вам всю возможную помощь. Теперь давай условимся, как будем держать связь. У тебя есть кнопочный телефон?

– Есть, – ответил Ряшенцев.

– И у меня есть, – сказал Башмаков. – Причем он на меня не зарегистрирован, я его с рук купил. Вот мой номер. Позвони мне сейчас, и я буду знать твой номер. Так мы и будем держать связь. А если понадобится, будем встречаться здесь, в это же время. Ну, давай, звони.

– Сейчас позвоню, – ответил Ряшенцев. – Только сперва ответь мне еще на один вопрос. Скажи: ты не посылал в Москву электронное письмо обо всех здешних событиях?

– В Москву? – удивился Башмаков. – Нет, не посылал. А кому я должен был его послать?

– Начальнику Главка генералу Орлову, – объяснил Ряшенцев. – Кто-то сообщил ему о гибели Дятлова, о том, что официальная версия его смерти – ложная. Собственно, из-за этого письма нас сюда и послали. Значит, это не ты писал... Ладно, этот вопрос мы еще выясним. А сейчас я тебя наберу.

Ряшенцев позвонил по номеру, который ему дал Башмаков, после чего они поднялись и вышли из столовой – сначала Башмаков, а после пятиминутной паузы – его московский коллега. Выйдя из кафе, капитан Ряшенцев задумался, чем можно заняться. Гуров ему не давал других заданий, кроме встречи с Башмаковым. Вот, встречу он провел. Не сидеть же без дела половину дня! И капитан решил, что имеет смысл проверить сведения, только что полученные от Башмакова. Тот рассказал о транспортной компании «Фаворит-Р», об огромном влиянии ее владельца Руслана Безрукова. «Вот и надо поглядеть на эту компанию, – подумал Ряшенцев. – На людей, которые там работают, на их деятельность. Может быть, удастся с кем-то познакомиться, поговорить...» И он достал телефон и задал поиск по названию транспортной компании.

...Стас Крячко еще ночью обдумал разные варианты своих действий на предстоящий день. Можно было, например, потребовать от генерала Потапова, чтобы тот дал ему адреса адвокатов, которые защищали погибших «опасных рецидивистов» Деменюка и Чердынцева. Но что, если эти адвокаты окажутся такими же липовыми, как и все объяснения руководителя рубцовского Управления? Что, если это будут официальные адвокаты, назначенные судом? Тогда Крячко от них ничего не узнает.

Можно было действовать по-другому: притвориться «человеком из зоны», только что вышедшим на свободу и ищущим, чем заняться. Стас Крячко имел такой опыт, знал, как наладить контакт с криминальным миром. Но этот способ требовал времени. Кроме того, надо было вырваться из гостеприимных объятий генерала Потапова и его подчиненных. А этого Крячко пока что делать не хотел. Не хотел утратить свой легальный статус, положение «сто-

личного ревизора». «Вот Гуров мне прикажет уходить в свободный поиск, тогда и уйду», – решил Крячко.

И он выбрал третий вариант действий. С раннего утра, когда хозяева из руководства Управления полагали, что столичный гость спит, гость с помощью телефона вошел в интернет и стал искать упоминания о тех людях в Рубцовске, которые по зову совести занимались защитой прав несправедливо осужденных и обиженных. По своему опыту Крячко знал, что такие люди имеются в каждом крупном городе. В одних городах их было больше, в других меньше, но хотя бы один такой человек всегда находился.

После часовых поисков в мировой сети оперативник нашел то, что искал. Юрист Сергей Борисович Бельский еще шесть лет назад основал в Рубцовске бюро помощи «Солидарность» и давал всем желающим юридические консультации. Если человек был в силах заплатить за такую консультацию, он платил. А если денег совсем не было, то получал помощь и вовсе бесплатно. Кроме того, Бельский был готов защищать людей, которые к нему обратились, в суде. В интернете Крячко нашел ряд публикаций самого Бельского о разных случаях нарушения прав, а также заметки о деятельности бюро «Солидарность». Некоторые комментарии были откровенно ругательные, в других, напротив, выражалась благодарность юристу. А самое интересное заключалось в том, что оперативник обнаружил две публикации, в которых рассказывалось о делах Деменюка и Чердынцева. В них сообщалось, что этих граждан судят по статье 228, за хранение наркотиков в особо крупном размере. Бельский в своих текстах утверждал, что обвинение не доказано, мало того – грубо подтасовано, и обвинял в подтасовках руководство рубцовского Управления и лично генерала Потапова.

«Вот человек, который мне нужен, – решил Крячко. – Осталось с ним связаться, и он мне все расскажет». Но тут он встретил неожиданную трудность. В публикациях были указаны два телефона Бельского – один телефон бюро «Солидарность» и другой – самого юриста. Однако сколько оперативник ни набирал эти номера, ни один из них не отвечал. В публикациях также был указан адрес бюро. И Крячко решил немедленно, еще до встречи с Потаповым, отправиться по этому адресу – благо «Солидарность» располагалась в центре города, недалеко от гостиницы, в которой поселили оперативника.

Часы показывали половину десятого, когда Крячко подошел к нужному ему зданию. Бюро уже должно было работать, принимать посетителей. Но когда сыщик подошел ближе, он убедился, что работать бюро «Солидарность» не собиралось. Сама вывеска с названием бюро еще висела на стене. Но ниже нельзя было увидеть доску с графиком работы бюро: лишь темное пятно на стене говорило, что раньше здесь висела такая доска. А на окнах бюро красовались красные плакаты с надписями «Аренда» и «Продажа». Было ясно, что бюро «Солидарность» закрылось.

– Стало быть, никакой солидарности в Рубцовске больше не осталось, – произнес Крячко в задумчивости, ни к кому не обращаясь. А про себя подумал: «И где же мне теперь искать этого Бельского? Пойти в адресный стол и там взять домашний адрес?»

И вдруг прямо у себя над ухом оперативник услышал низкий мужской голос, сказавший:

– Не надо ходить в адресный стол, товарищ Крячко. Ничего вам там не дадут, никакого адреса.

Сыщик стремительно обернулся... и увидел рядом с собой Льва Гурова. Правда, одетый в потертые джинсы и старую куртку, в кепке, надвинутой на самые глаза, сыщик сильно изменился, его было трудно узнать.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Крячко друга.

– Думаю, то же самое, что и ты, – отвечал Гуров. – Я же не знал, чем ты сегодня собираешься заниматься. Думал, ты в СИЗО пойдешь, искать свидетелей гибели Деменюка и Чердынцева. Ну, а мне ход в здешнее СИЗО закрыт. Так я решил обратиться к помощи правоза-

щитников. Ну, а дальше мы с тобой, видимо, шли одним путем – через интернет. И что ты собираешься делать дальше?

– Я, в общем, ничего не собираюсь, – пожал плечами Крячко. – Мне пора уже в гостиницу возвращаться, а до местное начальство шум поднимет, что они меня потеряли. А вот что ты думаешь делать?

– Но это же очевидно, – сказал Гуров. – Надо искать Сергея Бельского через его друзей – других правозащитников и журналистов. Я оцениваю ситуацию следующим образом: местная мафия, устроившая гибель полковника Дятлова, не могла терпеть деятельность такого человека, как Бельский, и постаралась его также уничтожить. Ну, может, не физически – это могло получиться слишком громко, поднялся бы шум, – а заставить его замолчать. Вот и офис его закрыли... А Бельский, чтобы спастись, залег на дно. Каким-то общедоступным путем теперь до него не доберешься. Надо искать его друзей, действовать через них.

– Ну да, ты ведь у нас любишь общаться с журналистами, получать от них информацию, – сказал Крячко. – Ладно, флаг тебе в руки. Вечером встретимся, расскажешь, что тебе удалось узнать.

– А ты мне поведаешь о своих успехах, – кивнул Гуров.

И Крячко отправился назад в гостиницу. А Гуров достал телефон и нашел в нем один адрес, который он на всякий случай скачал сегодня утром...

Глава 4

Адрес, который скачал сыщик, относился к редакции единственной в области газеты, которая критически отзывалась о действиях здешнего губернатора и главы рубцовской полиции. Газета называлась «Просто новости», и ее редакция располагалась в стороне от центра города, в районе унылых пятиэтажек на улице XX съезда ВЛКСМ. Гуров дождался нужного ему автобуса и поехал на эту «съездовскую» улицу.

Он доехал до нужной остановки, отыскал нужный дом, обошел его кругом... и остановился в недоумении. Улица была, дом, указанный на сайте редакции, был – а самой редакции не было. Во всяком случае, ничто не говорило о ее присутствии по указанному адресу.

Лишь обойдя вокруг дома во второй раз, сыщик обнаружил возле третьего подъезда неприметную табличку со словами «Просто новости» и номером квартиры. Сыщик набрал этот номер на домофоне и услышал женский голос, который настороженным тоном спросил:

– Кто там?

– Я приехал из Москвы, чтобы ознакомиться со здешними делами, – ответил Гуров. – Мне надо во всем разобраться, и если здесь совершаются преступления, наказать виновных. Для этого нужен кто-то, кто может рассказать мне правду.

– Правду? – переспросила женщина. – Что ж, тогда вы, наверное, пришли по адресу. Поднимайтесь на пятый этаж, квартира 57.

И дверь щелкнула, открываясь. Гуров поднялся на пятый этаж и уже собирался нажать кнопку звонка возле двери с номером «57», когда заметил, что сквозь дверную щель за ним наблюдает чей-то внимательный глаз. Затем дверь открылась ровно настолько, чтобы сыщик мог войти, и как только он вошел, сразу закрылась.

Гуров оказался в прихожей, где на вешалке можно было заметить несколько курток. Слева от прихожей видна была комната, справа – вход на кухню. Из комнаты доносились голоса, виднелись столы, на которых стояли компьютеры. В целом это было совсем не похоже на квартиру, скорее, напоминало офисное помещение. А прямо перед сыщиком стояла женщина, которая впустила его в редакцию. На вид ей было лет сорок: черные волосы, карие глаза, настороженно глядящие на гостя.

– Я заместитель редактора, меня зовут Ирина Борисовна Забелина, – сказала она. – Пойдемте на кухню, там вы расскажете, кто вы такой и зачем приехали.

Они повернули направо и прошли на кухню. Впрочем, только газовая плита и маленький холодильник указывали, что это кухня. Зато здесь стояли два стола, и на одном виднелся ноутбук. Забелина села за этот стол, указала сыщику место напротив, затем спросила:

– Итак, кто вы и зачем приехали?

– Вот вам моя визитная карточка, – сказал сыщик, доставая удостоверение. – Как вы можете убедиться, меня зовут Лев Иванович Гуров, я полковник полиции и работаю в Москве. Я прибыл в Рубцовск, чтобы выяснить подлинные причины гибели полковника Ивана Дятлова, и вообще понять, что здесь у вас происходит.

Гуров заметил, что выражение лица его собеседницы изменилось. Вместо настороженности в чертах появились удивление и надежда.

– Значит, вы – знаменитый Лев Гуров? – спросила она. – Это замечательно, что вы к нам приехали. Значит, есть надежда, что бандиты, захватившие власть в нашем городе, понесут заслуженное наказание. А почему вы пришли именно к нам в редакцию?

– Понимаете, вообще-то я хотел встретиться с правозащитником Бельским, – начал объяснять сыщик. – Надеялся узнать о судьбе двух граждан, которых он защищал. Но обнаружил, что его офис закрыт и даже выставлен на продажу, а его телефоны не отвечают. Вот тогда я и обратился к вам. Вы не знаете, где Бельский?

– Почему же, знаю, – отвечала Забелина. – Сергей Борисович в сопровождении нашего корреспондента Кости Павлова ушел к себе домой, чтобы проводить свою семью, жену и сына, на вокзал. Они срочно уезжают из города, потому что здесь им угрожает опасность. Поэтому мы и направили Костю их провожать – он у нас спортсмен, боксом занимался. Где-то через полчаса они должны вернуться.

– И, как я понимаю, жить Бельский тоже будет не у себя дома, а где-то в другом месте? – уточнил Гуров.

– Да, мы его будем прятать, – кивнула заместитель редактора. – Наверное, у вас возникает резонный вопрос: почему такие меры предосторожности? Кто угрожает гражданину, который не совершил никаких преступлений? Отвечу: Бельскому, а также и нам, независимым журналистам, угрожает преступный синдикат, который захватил власть в нашем городе. В этот синдикат входят, с одной стороны, владелец компании «Фаворит-Р» Руслан Безруков и близкие к нему бизнесмены, а с другой – наши правоохранители: генерал Потапов, прокурор Тимур Султанов, судья Елена Потрясилова, некоторые заместители Потапова. Они подмяли под себя закон, и теперь законным путем в Рубцовске ничего нельзя добиться.

– Все это я, в общем, уже слышал, – сказал Гуров. – Но меня, как представителя того самого закона, интересуют факты, которые можно представить в суде. А еще интересуют свидетели, которые могут в этом суде выступить. Вот нам говорят, что полковник Дятлов не покончил самоубийством, что его убили. Кто может об этом рассказать? Кто выступит свидетелем? Или эти двое, Деменюк и Чердынцев, которые умерли в СИЗО. Кто может рассказать об их смерти?

Ирина Забелина кивнула.

– Я вас понимаю, – вздохнула она. – Да, вам нужны факты, а не оценки. Что ж, о судьбе этих двух парней вам сможет рассказать Бельский. Он представлял их интересы, беседовал с ними. Власти потому его и преследуют, что он может разоблачить этот эпизод. Что же касается смерти Дятлова... Я точно знаю одно: Дятлов погиб в здании Управления. Может быть, не в своем кабинете, но на работе. Значит, его убили свои, то есть сотрудники полиции. Это не киллеры Безрукова, не парни из его фирмы «Бастион».

– А что это за фирма? – заинтересовался Гуров. – Какой-нибудь ЧОП?

– Так и есть, – кивнула Забелина. – Охранное предприятие Безруков создал даже раньше, чем фирму «Фаворит-Р». И первые полгода зарабатывал на жизнь в основном охранными услугами. Впрочем, там речь шла в основном не об охране, а о разного рода насилии. Например, его бугаи выполняли роль коллекторов – помогали банкирам выбивать долги из несостоятельных должников, участвовали в наездах на несговорчивых предпринимателей...

– И много у него таких бугаев? – спросил Гуров.

– Вполне достаточно, – отвечала Забелина. – Полного списка у нас, понятное дело, нет, но мы оцениваем частную армию Безрукова примерно человек в тридцать. Для такого города, как Рубцовск, это большая сила. Но если вернуться к гибели полковника Дятлова, я повторю: вряд ли в этом убийстве участвовали эти охранники. Вам нужно искать преступников в самом Управлении. А вы уже знакомы с начальником Управления, генералом Потаповым?

– Нет, не знаком, – отвечал Гуров. – Видите ли, я прибыл в Рубцовск негласно. И поселился на квартире, хозяин которой не требует, чтобы его гости обязательно регистрировались в полиции.

– То есть вы сами нарушаете закон, – усмехнулась Забелина. – В данном случае – закон о регистрации.

– Да, это, конечно, нехорошо, но иначе нам не удастся наладить работу, – сказал Гуров. – Странная ситуация... И поэтому я должен вас попросить: ни в коем случае никому не говорить, что я нахожусь в Рубцовске. Ну, кому-то из коллег вы все равно скажете, но важно, чтобы как можно меньшее число людей об этом знало.

– А еще Бельский будет о вас знать, – напомнила Забелина. – Ведь вы хотели с ним встретиться. А вот, кстати, и Сергей Борисович, легок на помине.

Действительно, Гуров услышал, как открылась дверь квартиры. Из кухни он видел, как в переднюю вошел невысокий человек лет пятидесяти. Волосы у вошедшего были редкие и почти совсем седые, но при этом правозащитник мог похвастаться окладистой бородой, тоже наполовину седой.

Ирина Забелина привстала и призывно замахала рукой, приглашая вошедшего в кухню.

– Сюда, сюда проходите, Сергей Борисович, – позвала она. – Тут к вам приехали. Как раз тот человек приехал, который вам сейчас нужен.

Правозащитник быстро снял куртку и вошел.

– Ага, вижу, что у нас гость, – сказал он, улыбнувшись немного криво, словно съел что-то кислое. – И кто же этот человек, который мне сейчас нужен, как выразилась Ирина?

Гуров поднялся и представился. Услышав его фамилию, Бельский покачал головой.

– И правда о таком я мог только мечтать, – сказал он. – Сам Лев Гуров прибыл в наш город. Большого и желать нельзя.

– Ну, я вас тут вдвоем оставлю, – резко поднялась Забелина. – А сама хоть немного работой займусь. Мне еще колонку писать надо, статьи наших корреспондентов просмотреть... Думаю, вы без меня сможете обойтись.

Она вышла, прикрыв за собой дверь.

– Так что вы хотели у меня узнать, Лев Иванович? – спросил Бельский. – Спрашивайте. А то, если я начну рассказывать обо всех беззакониях, которые у нас здесь творятся, то до вечера не закончу.

– Хорошо, давайте говорить о конкретных вещах, – согласился Гуров. – Но прежде чем мы начнем наш разговор, я хотел вас предупредить о том же, о чем только что говорил Ирине Борисовне. Я прибыл в Рубцовск, не сообщив о своем приезде ни генералу Потапову, ни другим сотрудникам здешнего Управления. И живу я не в гостинице, а на квартире, никому не сообщая своего адреса. То есть наше с вами положение в настоящий момент чем-то схоже. Поэтому я буду просить вас никому не сообщать, что Лев Гуров находится в Рубцовске, и вы с ним виделись.

– Договорились, – согласился Бельский. – Да, сейчас мы с вами в похожем положении. Итак, что вас прежде всего интересует?

– В первую очередь я хочу узнать, что произошло с вашими подзащитными, Деменюком и Чердынцевым, – сказал Гуров. – Я хочу узнать, как они погибли, и если тут было совершено преступление, как мы можем это доказать.

– Что ж, как раз в этом вопросе я вам могу помочь, – откликнулся Бельский. – Итак, давайте начнем по порядку. С Ильей Деменюком и Сергеем Чердынцевым я познакомился в церкви.

– В церкви? – Гуров не мог сдержать удивления. – Стало быть, вы человек верующий? Среди правозащитников такое встречается редко...

– Нет, нет, я от вопросов веры очень далек! – заверил его Бельский. – Но в своей правозащитной деятельности я поддерживаю контакты со множеством самых разных людей. В частности, в число моих знакомых входит и пастор лютеранской церкви Петра и Павла Константин Кондратьев. Но я знаком с ним не как с пастором, а как с руководителем реабилитационного центра для лиц, страдающих от наркотической и алкогольной зависимости. Этот центр действует при церкви, и в нем проходили лечение некоторые мои клиенты.

– И насколько успешно они это лечение проходили? – спросил Гуров.

– В тоне вашего вопроса я чувствую большое недоверие, – заметил Бельский. – Действительно, подобное лечение редко дает какой-либо результат. Человек держится ровно столько, сколько находится в этом центре, под контролем. А стоит ему выйти, так сказать, на волю,

как все начинается сначала. Но у лютеран, должен признать, часто получалось отвадить своих подопечных от пагубных пристрастий совсем. Они даже сами становились наставниками для других зависимых, вытаскивали их из трясины. Нескольких моих клиентов, которых я защищал в судах по 228-й статье, лютеране таким образом спасли. Поэтому я охотно поддерживал контакт с господином Кондратьевым, или «братом Константином», как он себя называл.

Так вот, четыре месяца тому назад, в мае, господин Кондратьев привел ко мне в бюро двоих своих подопечных. «Вот это Илья, а это Сергей, – сказал он. – Они месяц назад пришли ко мне, чтобы мы помогли им избавиться от зависимости. И мы им в этом помогли; к настоящему времени зависимость у обоих ликвидирована. Зато у них возникли проблемы иного рода, связанные с нашими правоохранительными органами. Я тут помочь не могу. Может быть, у вас получится?»

Я, естественно, попросил рассказать, что за проблемы. И тогда Илья и Сергей поведали мне вот какую историю.

В нашем городе, рассказали они мне, давно существовала развитая сеть торговли разного рода наркотиками. А в последние месяцы – как раз когда они сами решили покончить с зависимостью – эта сеть начала бурно развиваться. Наркодилеры принялись искать новых продавцов «дури». И на стенах домов, на столбах, на мусорных баках стали появляться лаконичные объявления с коротким текстом «Выгодная работа. Деньги сразу». И рядом номер телефона. Те, кто звонил по этому телефону, узнавали, что им нужно будет делать так называемые «закладки» – прятать в условных местах пакеты с зельем. Оплата за такую работу шла как деньгами, так и самим этим зельем.

Илья и Сергей, которые к тому времени осознали все зло, которое несут наркотики, стали эти объявления срывать или закрашивать. И занимались этим благим делом около месяца, пока на них обоих не напали здоровенные парни с бейсбольными битами. Они моих новых знакомых сильно избили, а затем предупредили, что если те и дальше будут им мешать, то их просто закопают в землю.

Деменюк и Чердынцев посоветовались с пастором Кондратьевым. Тот внимательно выслушал их историю и сказал, что дело серьезное и что ради их блага он советует им обоим прислушаться к требованию бугаев с битами и не обращать внимания на проклятые объявления. Илья и Сергей вняли совету и стали ходить мимо объявлений, будто их не видят. Но потом Илья Деменюк пару раз все же не выдержал и сорвал несколько бумажек. И тут случилось нечто вовсе неожиданное. Илью, а затем и Сергея арестовали, посадили в СИЗО и обвинили в том, что они... распространяют наркотики, причем в больших объемах.

– Просто так обвинили, ни с того ни с сего? – недоверчиво спросил Гуров.

– Почему же ни с того ни с сего? – возразил Бельский. – У обоих друзей на квартирах провели обыски. Кроме того, их обыскивали при задержании. И при обысках, а также при личном досмотре у них нашли пакетики с белым порошком. Так что доказательная база у обвинения имелаась.

– Значит, вы взялись защищать этих парней от сфабрикованного обвинения? – спросил Гуров. – И тогда с ними познакомились?

– Нет, не тогда, – Бельский покачал головой. – Когда им только предъявили обвинение, Кондратьев подыскал парням адвоката, который часто вел дела по 228-й статье. Но тут выяснилось, что положение двух друзей хуже, чем они думали. Уже в тюрьме к ним подошли «авторитетные» люди и сказали, что парни провинились перед Русланом Игоревичем, то есть перед Безруковым. И теперь их не просто засудят, а на части разрежут, если они не согласятся торговать дурью. Вот если согласятся, тогда их, может быть, и простят. Деменюк и Чердынцев испугались и послушались совета «опытного адвоката», решились сотрудничать с синдикатом Безрукова. И уже на следующий день им заменили заключение под стражей под подписку о невыезде и выпустили из СИЗО. Тогда-то они и пришли ко мне.

– Да, необычная история, – Гуров покачал головой. – Мне о таком еще не приходилось слышать. Получается, что бандиты чувствовали себя в СИЗО настоящими хозяевами. Они, а не прокуратура и следователи, определяли меру пресечения, характер обвинения и все прочее.

– Так оно и есть, – кивнул Бельский. – У нас в Рубцовске правоохранительная система и ведущий бандитский клан полностью срослись. А теперь, прямо в эти дни, они делают следующий шаг в установлении полного контроля над городом: они перешли к физическому уничтожению всех, кто может их разоблачить, предать огласке их дела. Первыми жертвами пали Деменюк, Чердынцев и полковник Дятлов. Следующей жертвой, видимо, должен стать я.

– Похоже, что так, – задумчиво произнес Гуров. – Значит, я вовремя сюда приехал. Будем надеяться, что я сумею остановить этот бандитский натиск. Однако вы мне еще не рассказали, что было дальше с этими двумя парнями. Как произошло, что они снова оказались в тюрьме? И почему они погибли?

– Сейчас и до этого дойдем, – пообещал Бельский.

Глава 5

– Когда я познакомился с Деменюком и Чердынцевым, с их историей, – продолжил свой рассказ Сергей Бельский, – я решил, что главный рецепт их спасения – максимальная гласность. Надо как можно шире и громче рассказать обо всем, что с ними произошло, что им угрожает. Я верил, что гласность является универсальным способом борьбы со всякого рода преступностью. Жизнь показала, что я ошибался. Времена, когда статья в газете могла сохранить кому-то свободу, защитить от преследований – эти времена прошли. Но тогда я этого еще не понимал. Я устроил пресс-конференцию с участием этих парней, добился, чтобы статьи о них появились в газете «Наши новости», на сайтах некоторых других изданий. Но ни на телевидении, ни на радио не вышло никаких сюжетов об этой истории. Я должен был уже тогда понять, что разложение общества в нашем городе зашло слишком далеко, что надо менять тактику. Но я не сделал нужных выводов. И уже через два дня после пресс-конференции Деменюка и Чердынцева снова задержали и поместили в то же самое СИЗО. Я пытался добиться свидания с ними как их адвокат, но так ничего и не добился. А еще спустя неделю я узнал об их смерти.

– Официально считается, что они подрались и друг друга зарезали, – напомнил Гуров.

– Знаю я эту версию, – махнул рукой Бельский. – Большую глупость трудно даже вообразить. Вас, конечно, интересует, что случилось в СИЗО на самом деле и как можно подлинные события доказать в суде. На этот счет у меня есть одна зацепка. Всего одна, но вполне реальная. Эту зацепку зовут Лилия Семеновна Абрамова, и она работает контролером-надзирателем в СИЗО. Не буду рассказывать, каким образом я вышел на Лилию Семеновну – это длинная история. Главное, я с ней познакомился еще до того, как стал заниматься делом Деменюка и Чердынцева. От нее я получил много ценной информации о нравах, царящих в нашем изоляторе, о вопиющих нарушениях закона, которые там постоянно происходят. Я могу вам рассказать то, что услышал от Лилии Семеновны. Но мне кажется, будет правильной, если вы лично с ней побеседуете и сами все услышите.

– Это будет не просто правильной, это необходимо сделать, чтобы я мог оформить рассказ этой Лилии Семеновны как официальные показания, – отвечал Гуров. – Ведь моя задача в Рубцовске – не только раскрыть преступление, но и собрать материалы на уголовное дело, чтобы можно было привлечь преступников к суду.

– Да, вы правы, – согласился Бельский. – Мы живем в такое время, когда мало знать преступника – надо еще и располагать неопровержимыми уликами против него. А иногда и улик мало... В общем, если вам нужно увидеться с Абрамовой, собирайтесь, и пойдём в гости к ее племяннику. Обычно мы с ней там встречались.

Гуров и Бельский распрощались с гостеприимной журналисткой Ириной Забелиной и вышли из дома. Как заверил правозащитник, идти до квартиры племянника было недалеко – минут двадцать пешего хода. По дороге Бельский послал эсэмэс такого содержания: «Тетя Лилия, помогите погладить рубашки». А Гурову он объяснил:

– Это у нас с Лилией Семеновной условный код такой. Племянник у нее учится в медицинском колледже. Он приехал в Рубцовск из села, и родители сняли ему квартиру. Мальчик он достаточно самостоятельный, сам себе готовит, покупает продукты, только для стирки и глажки ему нужна помощь тети. Ну, мы с ней и договорились, что эсэмэс насчет глажки, если в ней нет упоминания, что именно нужно погладить, – это не от племянника Пети, а от меня, и она означает, что я прошу Лилию Семеновну срочно прийти. Ей тут идти еще ближе, чем нам, так что она будет в квартире раньше нас.

И действительно, когда Гуров и Бельский поднялись на третий этаж девятиэтажки и позвонили, дверь им открыла женщина лет сорока, с усталым лицом. Не говоря ни слова, она

пропустила мужчин в квартиру, а дверь заперла. Когда они вошли в комнату и сели за стол, Абрамова сообщила:

– Петя еще не вернулся с занятий. Вернется он через полтора часа. Хорошо бы нам до его прихода закончить. Я не хочу впутывать племянника во всю эту историю. Ладно, я сама в ней увязла, но мальчишка пусть останется в стороне.

Слушая ее, Гуров гадал: что именно эту женщину с таким суровым лицом и такой же суровой профессией побудило прийти на помощь правозащитнику, рисковать своей карьерой, а может, и жизнью? Значит, что-то было у нее в душе, что не позволяло мириться с несправедливостью, с откровенным попранием закона.

– Вы, как я поняла, из Москвы приехали, с нашими делами разбираться? – спросила Абрамова.

– Я не просто из Москвы, а из самого Министерства внутренних дел, – подтвердил сыщик. – К вашей истории в столице относятся очень серьезно. Руководство Главка хочет наказать преступников по всей строгости закона. Поэтому я вас попрошу рассказывать все подробно и точно, так, как если бы вы выступали на суде. В общем-то, ваши показания и будут предназначены для суда. Я сейчас, по ходу нашего разговора, составлю протокол, и в конце вы его подпишете. Итак, если вы готовы, давайте начнем. Сергей Борисович сказал, что вы знаете, как были убиты Деменюк и Чердынцев. Что вы можете об этом рассказать?

– Ну если это для протокола, то тут за каждое слово надо отвечать, все надо проверять, – сказала Лилия Семеновна. – И я хочу уточнить. Я не знаю, как были убиты эти двое, момента убийства я не видела. Могу только догадываться. И могу рассказывать о том, что сама видела.

– Очень правильное отношение с вашей стороны, – согласился Гуров. – Рассказывайте только о том, что вы лично видели. Будем тщательно отделять факты от догадок.

– Хорошо, – кивнула женщина. – Итак, дело было 12 дней назад, в конце августа. Я, как всегда, дежурила в третьем корпусе, в коридоре «А». Я знала, что накануне вечером в 303-ю камеру поместили двоих новеньких, Деменюка и Чердынцева. Я их видела при утренней поверке и потом, когда разносила обед. После обеда их вызывали на допрос, но допрос длился очень недолго – часа не прошло, как они уже вернулись в камеру.

– Их что, вместе на допрос вызывали? – удивился Гуров.

– Ну да, – кивнула Абрамова. – Мне это тоже странным показалось. Не помню такого, чтобы заключенных не по одному допрашивали. Очная ставка – другое дело, но ведь это процедура следствия, а не допрос. В общем, около шести вечера конвой привел их с допроса. Я их в этот момент видела: оба шли, словно в воду опущенные. Ну тут как раз ничего удивительного нет: с допросов часто в таком виде возвращаются. Допрос – не свидание, это надо понимать. Потом я разнесла ужин, забрала посуду – в общем, все, как обычно. Перед отбоем я еще раз их камеру проверила. Никого постороннего там не было, все в штатном режиме.

Прошло четыре часа, время приближалось к двум часам ночи. И тут вдруг раздался звонок. Я взяла трубку (у нас там только проводные телефоны, мобильной связи нет). Говорил дежурный офицер. Он сообщил, что меня вызывают к заместителю начальника СИЗО. Это было странно – чтобы начальство ночью вызывало. Я сказала своей напарнице, Лене Смирновой, что меня вызывают, и пошла в административный корпус.

– Значит, на дежурстве осталась одна ваша напарница Смирнова? – уточнил Гуров. – А что она за человек? Охарактеризуйте ее.

Абрамова пожала плечами.

– Что за человек? Обыкновенный человек: две руки, две ноги. Двое детей у нее, мальчишка восьми лет и девочка двенадцати. Около полугода уже работает, насколько я помню. И в этом смысле ей, конечно, труднее, чем мне: мой Павел уже взрослый, двадцать лет ему, водителем работает. Так вот, пошла я в административный корпус. По дороге, помню, еще

гадала: что же такого случилось, что меня потребовалось среди ночи вызывать? Может, я какое упущение допустила? Ломала себе голову, но так ничего и не придумала.

– А что в административной части сказали? Зачем вас вызывали? – спросил Гуров.

– В корпусе меня встретил дежурный офицер, капитан Кукушкин. Сказал, что надо подписать несколько документов: заявление на отпуск, заявление на матпомощь, согласие на прохождение медкомиссии. Это совершенно рутинные документы, мы их часто заполняем, и для этого не надо было меня среди ночи вызывать.

– Вы это сказали дежурному? Выразили свое недоумение в связи с отзывом вас с дежурства?

– Нет, конечно, ничего такого я не говорила. На нашей работе важно уметь молчать и не высовываться. Я все подписала и спросила, можно ли мне идти обратно. Капитан сказал, что надо еще немного подождать. Он вышел, и у меня сложилось впечатление, что он кому-то звонил, спрашивал, можно ли меня уже отпустить или мне нужно еще посидеть в административном корпусе. Видимо, ему ответили, что меня можно отпустить, потому что капитан, когда вернулся, сказал, что я могу идти обратно. Но я хочу подчеркнуть: насчет его звонка и что кто-то давал ему указания – это все только мои предположения. Я этих разговоров не слышала.

– Я понял, – кивнул Гуров. – Продолжайте. Что вы увидели, когда вернулись в свой блок?

– Увидела то же, что всегда. Внешне там ничего не изменилось. Когда я вернулась, Лена Смирнова сказала, что ей срочно нужно в туалет, и ушла. А я отправилась по коридору, осмотреть камеры. И вот, когда я подошла к 303-й камере, то увидела, что дверь в камеру приоткрыта. Не заперта была дверь, понимаете? Это самое настоящее ЧП! О таком следовало немедленно доложить дежурному, он бы прислал охрану. Но, прежде чем звонить, я решила узнать, что там в камере: на месте ли заключенные или сбежали. Я открыла дверь и обнаружила, что в камере темно. А так не должно быть: малое освещение на ночь остается включенным. Я нащарила рукой выключатель, нажала его – и оказалось, что он не работает, свет не включается. Дальше я ничего проверять не стала. Заперла камеру своим ключом и побежала звонить дежурному.

– А в тот момент, когда вы открывали дверь камеры, осматривали ее, вы не слышали каких-либо звуков в коридоре или где-то еще в блоке? – спросил Гуров.

– В том-то и дело, что слышала! – воскликнула Абрамова. – Я как раз хотела об этом сказать. Когда я открыла дверь камеры и щелкала выключателем, мне почудилось, что где-то за моей спиной открылась дверь другой камеры. Я еще и поэтому поспешила снова выглянуть в коридор. Но там никого не было. Однако когда я закрыла камеру № 303 и подбежала к своему столику, то увидела двух незнакомых мне людей. Они как раз в этот момент направлялись к выходу из нашего блока.

– Что это были за люди? – спросил Гуров. – Опишите их.

– Мне трудно их описать, потому что я видела их только со спины. Я их окликнула: «Стойте! Что вы здесь делаете?» Но они не обернулись. Подошли к выходу из нашего блока, открыли дверь и вышли. Представляете? Дверь из блока они открыли словно у себя дома. А ведь чтобы ее открыть, надо иметь ключ.

– Выходит, у них был такой ключ, верно?

– Нет, дело обстояло иначе. Они ничего не отпирали – просто толкнули дверь и вышли, словно она не была заперта. Я хорошо слышала, как за их спинами дверь защелкнулась, как и положено.

– Они что, так и не обернулись?

– Да, так и не обернулись! Дошли до конца коридора, повернули за угол и скрылись. Так что их лиц я так и не увидела.

– У вас же есть оружие? Вы не попытались им угрожать? – озадачился Гуров.

– Оружие есть, конечно. Угрожать – нет, не пыталась, – пожала плечами женщина. – Это все очень быстро произошло... Рассказывать – дольше получается.

– И все же опишите то, что вы видели. Как они были одеты, как сложены...

– Это были плотные такие мужики, накачанные – настоящие быки. На них были такие же куртки, как и на мне, то есть они были одеты, как надзиратели. У того, что справа, были черные волосы, а у того, что слева – светлые. Вот и все, что я могу о них сказать.

– Хорошо, опишите ваши дальнейшие действия.

– Я схватила телефон и стала названивать дежурному офицеру. Сначала мне долго никто не отвечал, но потом я наконец услышала голос дежурного. Он спросил, что случилось. И я ему доложила, что у нас в блоке сразу два ЧП: в камере № 303 была открыта дверь и не включается освещение, а кроме того, я только что видела в блоке двух неизвестных. На это капитан Кукушкин мне ответил, что мне, вероятно, все почудилось. Камера не могла остаться открытой, если только я по небрежности сама не забыла ее запереть. И никакие неизвестные в блоке не могли появиться – им просто неоткуда взяться. Они мне просто почудились. Сказал – и положил трубку, так что я даже не успела ничего ему возразить.

– Вы не стали звонить ему повторно?

– Нет, не стала. То есть я как раз собиралась это сделать, но тут вернулась моя напарница Лена Смирнова. Я кинулась к ней, рассказала обо всем – и об открытой камере, и о неизвестных, которые ходили по нашему блоку словно у себя дома. Под конец я предложила ей пойти вместе в камеру № 303 и посмотреть, что там случилось.

– И что ответила вам напарница?

– Она наотрез отказалась идти в камеру, а также писать общее заявление на имя начальника СИЗО. Можно же было записи с камер видеонаблюдения посмотреть! Но она мне заявила так: «Слушай меня внимательно, подруга. Сиди тихо! Никуда не ходи и ничего не пиши. Тебе Кукушкин что сказал? Что тебе все это привиделось. Вот так оно и есть. Ты просто заснула здесь, возле нашего столика, и видела сон. Забудь про него, если хочешь жить спокойно». И больше мы с ней на эту тему не разговаривали.

– А что случилось дальше?

– Дальше? А ничего не случилось. Через три часа, когда пробило шесть, пришла смена. Я сдала дежурство и ушла домой. А через два дня до меня дошли слухи, что в нашем СИЗО погибли двое заключенных. Но при этом не назывался блок, не говорилось о расследовании этого ЧП. А когда я спустя два дня вышла на новую смену, меня никуда не вызывали, ни о чем не спрашивали. Все было так, как сказали капитан Кукушкин и моя напарница Лена Смирнова: словно мне все привиделось. Я только от Сергея Борисовича, – тут Лилия Абрамова кивнула на Бельского, – узнала о том, как начальство объясняет смерть этих двоих. Что они якобы поругались и друг друга зарезали.

– А вы сами что думаете – что на самом деле произошло в ту ночь?

– Я, конечно, много об этом думала, много могу сказать. Но ведь это все – одни только мои предположения. И я не хочу, чтобы они были включены в протокол.

– Разумеется, я эту часть не буду фиксировать в протоколе, – заверил женщину Гуров. – Мне просто хочется сверить свои впечатления от вашего рассказа с вашими собственными оценками.

– Ну если не для протокола, то я могу сказать, что думаю. Меня неспроста вызвали среди ночи в административный корпус. Меня туда звали вовсе не для того, чтобы бумажки подписать. В это время Смирнова впустила в наш блок тех бугаев, двух убийц. Они прошли прямо в камеру № 303 и убили Деменюка и Чердынцева. И моя напарница это все знала. Это она впустила убийц в помещение блока, открыла им камеру № 303. И капитан Кукушкин звонил по телефону, скорее всего, тоже ей. Она должна была сказать, закончено дело или нет, можно

ли меня отпустить. Все у них прошло по плану, только одна накладка вышла – убийцы почему-то задержались в блоке, и я их увидела, хотя и со спины.

– Почему же в таком случае ваша напарница не закрыла дверь камеры после ухода убийц? – спросил Гуров. – Тогда бы вы вообще ни о чем не догадались...

– Мне кажется, это было сделано специально, – отвечала Абрамова. – Как раз для того, чтобы была возможность меня тоже замазать в эту историю. Мол, это я и открыла камеру, и впустила тех двоих. Руководство СИЗО знает, что я не пойду на откровенное нарушение закона – мне уже делали подобные предложения. И вот, если я вдруг захочу поднять шум, против меня будет улика – вот эта самая открытая дверь.

Гуров посидел еще некоторое время, обдумывая услышанное, потом решительно кивнул и сказал:

– Да, все сходится. Думаю, так и обстояло дело. Спрашивать о чем-то вашу напарницу Лену Смирнову, думаю, не имеет смысла – она ничего не скажет. Как и дежурный офицер капитан Кукушкин. И тем более ничего не скажет руководство СИЗО. Никто ничего не слышал, ничего не видел. То, что называется «круговая порука». Что ж, думаю, этого достаточно. Я вижу здесь компьютер с принтером. Можно, я распечатаю ваши показания?

– Можно, конечно, – согласилась Абрамова.

И сыщик уселся за клавиатуру. Ему хватило полчаса, чтобы напечатать протокол допроса и вывести его на принтере. Затем Лилия Абрамова села читать документ. Читала она очень внимательно, в двух местах заставила Гурова внести исправления, оговорив «исправленному верить». Затем подписала протокол и взглянула на часы.

– Засиделись мы что-то, – сказала она. – Скоро уже Петя должен вернуться.

– Намек понял, – хмыкнул Гуров. – Я удаляюсь. А вы как? – обратился он к Бельскому.

– Я тоже с вами пойду, – кивнул правозащитник.

И они вместе вышли из квартиры.

Глава 6

– И куда вы теперь направитесь? – спросил Гуров, когда они вышли на улицу. – Как я понял со слов Ирины Забелиной, дома вы решили пока не ночевать, считаете, что там опасно...

– Я не только считаю – я просто уверен, что дома мне находиться нельзя, – отвечал Бельский. – Вы же только что слышали, что случилось с двумя парнями, которые всего только и хотели, что жить по-человечески и не дать другим травиться ядом. Наши бандиты поверили в свою полную безнаказанность, и теперь они не остановятся перед убийством еще одного человека. Кстати, я считаю, что и Лилии Семеновне тоже угрожает опасность. Я уже говорил ей об этом, предлагал уйти с работы, хотя бы временно, переехать в другой город. Но она и слышать об этом не хочет. Что касается вашего первого вопроса, то я иду к своему школьному другу Никите Коломийцу. В последнее время мы редко встречались, и я надеюсь, что наши враги не знают о Никите и не будут меня там искать.

– Что ж, разумное решение, – одобрил Гуров. – А на будущее, раз уж вы перешли на почти нелегальное положение, хочу вам дать несколько советов. Они касаются того, как обнаруживать слежку и бороться с ней. Прежде всего, когда выходите на улицу, не забудьте незаметно оглянуться вокруг.

– И что же я должен искать, когда оглянусь? – полюбопытствовал Бельский. – Группу бугаев с бейсбольными битами? Но ведь они так открыто себя не ведут...

– Не ведут, – согласился Гуров. – Вы должны обратить внимание, нет ли поблизости мужчин, ничем не занятых. Стоит, например, человек и битый час глядит в небо. Или разглядывает витрину магазина, словно там картинная галерея. Но в последнее время «хвосты» в основном сидят в машинах, и вы их не увидите. Зато вы можете увидеть машину, которая медленно едет позади вас, тащится вяло, как похоронная процессия. Или человек идет за вами примерно на расстоянии метров пятьдесят. Вот это и будет «хвост». И тогда вам потребуется другой навык – умение «стряхивать хвост».

– И как же это делать? – спросил правозащитник. Было заметно, что рассказ Гурова его заинтересовал.

– Тут, казалось бы, нет ничего сложного, – продолжил Гуров свою «инструкцию». – Просто надо сделать так, чтобы «хвост» на время потерял вас из виду, и за это время успеть уйти в другую сторону. Но каким образом? В прежние годы преступники, стремившиеся уйти от наблюдения милиции, часто пользовались проходными дворами. Но в последнее время большинство дворов огородили, везде висят кодовые замки, так что через дворы теперь не побегаешь. Можно попробовать уйти через гаражи, но они не везде есть. Зато появились такие заведения, как торгово-развлекательные центры, или ТРЦ. Как правило, это огромные многоэтажные комплексы с несколькими входами и выходами. Вот там можно затеряться в толпе и уйти от слежки. В моей практике было несколько случаев, когда преступники именно так уходили от меня и моих помощников, хотя мы люди опытные и умеем предвидеть действия криминальных элементов.

– Тут у нас неподалеку как раз есть такой торговый центр, – сказал Бельский. – Целый квартал занимает. Но я там был, надо сказать, всего один раз – я мало что покупаю, кроме продуктов, и совсем не умею развлекаться.

– Это упущение, и его надо исправить, – заметил сыщик без всякой иронии. – Советую вам прямо сейчас пойти прогуляться по этому ТРЦ, изучить там все входы и выходы. Продумайте свои действия в случае, если войдете с той или иной улицы. И запомните главное: отрываться от «хвоста» надо неожиданно, резко. Только в этом случае можно добиться успеха. Сделайте это, Сергей Борисович, это может оказаться важным.

– Хорошо, обязательно последую вашему совету, – согласился Бельский.

На этом они расстались. Бельский, следуя совету сыщика, пошел в торгово-развлекательный центр изучать входы и выходы, а Гуров отправился на квартиру, которую они снимали с капитаном Ряшенцевым. Было уже поздно, и он рассчитывал, что его напарник будет на месте.

Так и оказалось. Дмитрий Ряшенцев хлопотал вокруг стола: расставлял тарелки, открывал купленные емкости с салатами и паштетами, нарезал хлеб.

– Это по какому поводу банкет? – спросил Гуров.

– Никакого банкета, – отвечал капитан. – Просто идет приготовление к ужину. Я не забываю наставление вашего друга полковника Крячко: заботиться о том, чтобы вы хотя бы раз в день основательно поели и желательно – горячей пищи.

– Какая трогательная забота о моем здоровье! – покачал головой сыщик.

На самом деле он был и правда тронут заботой капитана. Чтобы скрыть это свое чувство, он ворчливо спросил:

– И где же тут горячая пища? Пока что я вижу только все готовое, тот самый пресловутый фастфуд...

– Горячее на кухне, – отвечал Ряшенцев. – Я сварил картошку, стоит, накрытая подушками. Скажите, а полковник Крячко придет? Или мы его ждать не будем?

– Честно сказать, я о его планах не знаю, – признался Гуров. – Но давай для приличия минут двадцать подождем. Кстати, ты мне за это время расскажешь, где был, что видел.

– Хорошо, сейчас сделаю полный отчет, – сказал Ряшенцев.

Он отложил хлеб, сдвинул часть тарелок и положил на это место свой блокнот. Открыл его на нужной странице и как раз собирался начать докладывать, когда дверной звонок тихонько тренькнул. Капитан пошел открывать и вскоре вернулся с полковником Крячко. Полковник окинул взглядом накрытый стол, ничего не сказал, проследовал к дивану и повалился на него. Гуров с интересом взглянул на друга и покачал головой.

– Кажется, нашему другу Стасу никакое угощение уже не нужно, – заметил он. – Мы, Дмитрий, могли бы его и не ждать. Верно я говорю, полковник?

– Да уж, я сегодня наугощался! – отозвался Крячко. – С настоящим народным гостеприимством меня сегодня угощали. Стол буквально ломился от блюд. И от блюд, и от напитков. Я только об одном заботился – пить как можно меньше. Делать вид, что пью, а самому избегать. Иначе споили бы меня вусмерть. Так что вы не думайте меня чем-нибудь кормить. Единственное, от чего я сейчас не откажусь – это от пары стаканов крепкого чая. Чая я от генерала так и не дождался.

– Чаем мы тебя угостим, обещаю, – сказал Гуров. – Ты хоть расскажи, где ты сегодня был.

– Находился в здешних лесах, в охотничьих угодьях, – отвечал Крячко. – На охоту меня возили. Двух зайцев подстрелил, представляешь?

– А что же тут такого удивительного? – Гуров пожал плечами. – Я знаю, что ты хорошо стреляешь, причем не только по зайцам. А для дела что-нибудь полезное узнал?

– Что же полезное можно узнать на охоте? – Крячко пожал плечами. – Там можно узнать только, что генерал Потапов предпочитает традиционный русский напиток, то есть водку, а прокурор Тимур Султанов – армянский коньяк, желательно семилетней выдержки. А министр транспорта в здешнем правительстве области, Лев Павлик, пьет хороший виски. Видите, какое разнообразие вкусов? Вот и все полезные сведения, которые я сегодня почерпнул.

Однако Гуров покачал головой, выражая свое несогласие со словами друга.

– Вы только посмотрите на него! – воскликнул он, обращаясь к невидимой аудитории. – И этот человек еще осмеливается говорить, что он ничего не узнал за этим обильным столом! А между тем ты привез оттуда весьма любопытные сведения. Какие сведения, ты спросишь? Да вот эти самые – о составе компании, которая ездила на охоту. Вот они – те люди, которые входят в окружение начальника здешнего Управления. Прокурор, министр... Может, там еще

кто-нибудь найдется. А бизнесмена, владельца компании «Фаворит-Р» Руслана Безрукова, там случайно не было?

– Нет, только вот эти трое, кого я назвал, да еще два заместителя Потапова – Василий Иванович Чванов и Виктор Иванович Ощепков, – отвечал Крячко.

– Ну это понятно, – кивнул Гуров. – Ни генерал, ни его друг Безруков не хотят «светиться», демонстрировать столичному гостю, насколько они близки. Гостя нужно просто занять, убажить, залить ему глаза коньяком – и пусть едет себе обратно в Москву, докладывать руководству, как тут в Рубцовске все хорошо. И что, ни о каких событиях, вроде смерти полковника Дятлова или двух заключенных в СИЗО, на охоте не говорилось?

– Нет, о делах вообще речь не шла, – отвечал Крячко. – Говорили только о приятном – или об охотничьих трофеях, или о бабах.

– Понятно, – сказал Гуров и повернулся к капитану Ряшенцеву. – Что ж, капитан, теперь мы все в сборе и можем приступать к ужину. А полковнику Крячко хорошо бы выдать стакан горячего чая. Можем мы себе это позволить?

– Еще как можем! – заверил капитан и отправился на кухню.

Оттуда он вернулся с полной чашкой горячего крепкого чая. А Гуров сходил туда же, на кухню, и принес кастрюлю с горячей картошкой. И все уселись за стол. Некоторое время в комнате царил молчание – и Крячко, и Ряшенцев знали, что Гуров не одобряет обсуждение дел за едой. И только когда все салаты были съедены, а Крячко выпил уже второй стакан чая, Гуров произнес:

– Ну теперь перейдем к делу. Давай, капитан, рассказывай о своих подвигах. Удалось тебе встретиться с Башмаковым?

– Да, мы встретились, и у нас был весьма содержательный разговор, – отвечал Ряшенцев. – Что интересно, Башмаков упоминал того же человека, о котором вы только что сказали, Лев Иванович. Он говорил, что Руслан Безруков, в прошлом мелкий бандит, стал некороннованным королем Рубцовска. Никто не смеет ему перечить, и он может творить любые беззакония. В этом он пользуется покровительством генерала Потапова и других представителей власти. Башмаков считает, что полковника Дятлова убили за то, что он осмелился бросить вызов всевластию Безрукова. Но кто и как именно убил полковника, Башмаков не знает. Мы с ним договорились сотрудничать в ходе расследования и обменялись номерами телефонов.

– Что ж, начало положено, – отреагировал Гуров. – Но ты еще чем-то занимался, как я вижу. Вижу, что тебя прямо распирает от желания поделиться своими наблюдениями.

– Тут вы угадали, товарищ полковник, – отвечал Ряшенцев. – Мы с Башмаковым расстались в середине дня, времени у меня было полно, и я подумал: а зачем его терять без пользы? И решил посмотреть, что собой представляет фирма «Фаворит-Р», о которой рассказывал Башмаков. Я вернулся сюда, к этому дому, и взял вашу машину – тем более что вы оставили ключи здесь на столике. Вы меня за это ругать не будете?

– Ну, это зависит от результата, – ответил Гуров. – Если ты ничего не узнал, а машина при этом превратилась в груды лома, то, пожалуй, и поругаю. А если серьезно, то правильно сделал. Зачем мы приехали на машине, если не собираемся ее использовать? Давай, рассказывай, что ты углядел, пока ездил на моей машине.

– Ну, я не столько ездил, сколько сидел и наблюдал, – сказал Ряшенцев. – Но давайте я расскажу по порядку. Сначала я приехал к офису этой компании. Там ничего интересного не было: трехэтажное здание, все целиком принадлежит компании «Фаворит», занято ее структурами. Что меня несколько удивило, так это количество охраны на входе. Так много людей в форме и с оружием я нигде не видел. Такое впечатление, что тут какой-то штаб, а не транспортная контора. И еще я отметил довольно большое число бродяг, которые в этот «Фаворит» заходили.

– Прямо-таки бродяги? – удивился Гуров. – А как ты определил, что они бродяги? Ты что, у них паспорт проверял?

– Паспорт не проверял, но они выглядят очень характерно, – объяснил капитан. – Плохо одетые, помятые люди в возрасте от 20 до 40 лет. Заходили они, правда, не с главного входа, а со второго. Там сбоку здания другой вход есть, и вот туда прямо очередь из желающих.

– А интересно, они с сумками заходили или с пустыми руками? – спросил Крячко.

– В основном с пустыми, – ответил Ряшенцев. – Но мне тоже пришла в голову одна мысль – кажется, та же самая, что и вам. И я вышел из машины, подошел к этому боковому входу. Заглядывать внутрь не стал, чтобы не привлекать внимания. А входить даже и не пытался – там охраны было еще больше, чем у главного входа. Но я подождал, когда один особо помятый мужичок зашел в офис, а потом вышел, и пристроился к нему. И когда он отошел подальше, подошел и спросил: «Скажи, браток, у тебя есть?»

– Ну и что он тебе ответил? – заинтересовался Гуров.

– Представляете, он даже не удивился такому вопросу. Посмотрел на меня этак искоса и говорит: «Я с рук не торгую, сам понимаешь. Но если очень нужно...» Я тут же заныл, что мне страшно нужно, просто мочи нет. Он мне и говорит: «Ну, давай две штуки». Я понял, о чем идет речь, дал ему две тысячи. И он выдал мне вот это.

Ряшенцев достал из кармана маленький белый пакетик и положил его на стол. Оба полковника нагнулись и стали пакетик разглядывать. Затем переглянулись, и Крячко сказал:

– Ну вот, кажется, и разгадка этого дела.

– Да, ответ на все вопросы, – согласился с ним Гуров.

Затем обратился к Ряшенцеву:

– Забирай свое приобретение, капитан. В Москве мы его, конечно, отправим на экспертизу, но уже сейчас можно сказать, что это за штука. Это, вероятнее всего, кокаин. Хотя может быть и героин, и что-то из современной синтетики... – задумчиво добавил он. – И это источник огромного богатства владельца компании «Фаворит-Р» Руслана Безрукова, а также причина всех преступлений, совершаемых в последнее время в Рубцовске. Осталось только установить, откуда наркотик доставляется в город... И единственный ли это вид дури, которым занимается эта компания.

– Кажется, я это тоже установил, – заявил Ряшенцев.

Оба полковника уставились на него.

– Это каким же образом? – спросил Крячко.

– Так ведь я не закончил свой рассказ, – отвечал капитан. – Сейчас закончу. Значит, когда я получил этот пакетик, я сделал такие же выводы, как и вы. И решил, что надо найти оптовые склады, принадлежащие этой фирме. И поглядеть, что за груз доставляют на эти склады. Но как это сделать? Не могу же я войти в офис, подойти к какому-нибудь сотруднику компании и спросить: «Скажите, где находятся ваши оптовые склады?» В общем, я сидел и гадал, как мне поступить, когда увидел, что к главному входу подъехал новенький «Порше». Водитель вышел, распахнул пассажирскую дверь и стал ждать. Ясно, что сейчас в машину должен был сесть какой-то босс. И действительно, спустя несколько минут из офиса вышел толстый такой мужик в дорогом костюме – по виду типичный кабан – и уселся в машину. И она тут же тронулась с места. Ну и я поехал за ней.

– Они не заметили слежку? – спросил Гуров.

– Обижаете, Лев Иванович, – отвечал капитан. – Не первый день работаю, чему-то у вас научился. Конечно, я сделал все, чтобы они меня не заметили. Вообще это оказалось трудным делом – не упустить их из виду, и в то же время не мозолить им глаза. Трудным, потому что они мчались, то и дело нарушая правила. Видно было, что никакие штрафы и всякого рода патрульная служба для пассажира этого «Порше» не существуют. Но я с этой задачей справился. А когда понял, что приехали к складу, резко свернул в сторону и поставил машину

совсем в другом месте, чтобы ее и близко от склада не было. Потом я походил вокруг забора, нашел место, где можно перелезть, и перелез. Я увидел здоровенный двор и четыре огромных склада. Во дворе стояли штук восемь фур, три из них в данный момент разгружались. Тут я заметил лежащую на коробках рабочую куртку – видимо, какому-то работяге стало жарко и он ее снял. Ну, а я надел. И после этого стал неотличим от остальных рабочих. И я решил этим воспользоваться.

– Ты что, поучаствовал в погрузке-выгрузке? – спросил Крячко. В его голосе слышалось уважение, даже восхищение дерзостью коллеги.

– Ну да, – небрежно ответил капитан. – Работа, конечно, тяжелая, но где наша не пропадала!

– Рисковал, – мрачно проговорил Гуров. – И серьезно. Бандиты здесь ничего не боятся, если, как ты рассказываешь, ты умудрился проникнуть на их склад без особых трудностей.

Ряшенцев слегка смутился и, мотнув головой, вернулся к рассказу:

– В общем, там как раз разгружали машину. Человек семь грузчиков ходили между машиной и складом, носили коробки. Я пристроился за одним парнем, взял очередную коробку и понес, куда и все. Помещение там огромное. И в основном работа механизирована – иначе было бы просто не справиться с таким объемом товара. Но как раз те коробки, которые были в этой машине, носили мы, люди. И складывали их отдельно от остальных грузов, в огороженном помещении в углу склада. Это были такие сравнительно небольшие коробки без всяких надписей, без маркировки. И когда я подошел к машине за второй своей коробкой, я обратил внимание, что коробки, оставшиеся в машине, лежат у самой дальней стенки, возле кабины водителя...

– Все понятно! – воскликнул Крячко. – Основным грузом в этой фуре был какой-нибудь инжир, или персики, или виноград. А у задней стенки находились коробки кое с чем другим... А чья это была фура? Ты видел ее номер?

– Видел, конечно, – кивнул капитан. – Вот только сфотографировать не смог. Выглядела она как-то не фотогенично...

– Ладно, не томи, говори, какая у нее принадлежность, у этой фуры! – прервал его Крячко.

– Номер там был иранский, – отвечал Ряшенцев. – И там было еще три фуры с иранскими номерами. Еще одна была с армянским номером, одна с турецким, одна с казахстанским, остальные наши.

– Вот оно как... – задумчиво произнес Гуров. – Стало быть, тут мы выходим на международный уровень... А я, как нарочно, смокинг с собой не взял...

– И я тоже фрак не завернул, – подхватил Крячко. – И английский успел подзабыть. Как же мы с водителями этих фур объясняться будем?

– С водителями нам объясняться не надо, – сказал Гуров. Он выглядел все еще погруженным в глубокую задумчивость. – Нам достаточно записать их номера и передать в Главк. С этими ушлыми парнями будут объясняться другие – на границах России. А нам нужно зафиксировать факт систематической поставки наркотиков в Рубцовск, оценить объем этих поставок и установить лиц, которые этим занимаются.

– Слушай, по-моему, это первый случай в нашей с тобой практике, когда перед нами не стоит задача поиска преступников, – проговорил Крячко. – Преступники известны чуть ли не с первого дня. Мы еще расследование не начали, а имена всех виновных уже знаем. И задача стоит другая – сбор доказательств.

– Да, дело не типичное, – согласился Гуров. – Но ты не совсем прав. Мы должны не только собирать доказательства вины главных организаторов преступного синдиката. Мы должны еще установить, как происходили преступления, и найти конкретных исполнителей в каждом случае. Дальше наше расследование должно идти к связям между владельцем фирмы «Фаворит-Р»

Безруковым и руководством Управления, и еще дальше – к убийствам полковника Дятлова и двух заключенных. Возможно, в ходе этого расследования всплывут и другие эпизоды, связанные с нарушениями закона. Но мы так далеко не будем заглядывать. Пока что нам нужно составить план боевых действий на ближайшие два дня. Начну с себя. Я сегодня познакомился и побеседовал с женщиной, которая стала невольной свидетельницей убийства Деменюка и Чердынцева. Она даже видела убийц – правда, со спины. И я намерен дальше разрабатывать эту линию. Если мне удастся выяснить имена убийц, мы получим первую пару обвиняемых в будущем уголовном деле. И даже не пару – там и другие причастные к этому делу имеются. Тебе, капитан, я поручаю найденный тобой склад бандитской фирмы. Надо установить, как часто приходят в Рубцовск фуры с наркотиками, каков объем доставляемого груза, как организована продажа зелья. Ну, а тебе, Стас, – тут Гуров повернулся к Крячко, – я поручаю самый трудный участок – расследование убийства полковника Дятлова. Нужно найти камеры, которые наверняка имеются в Управлении, просмотреть записи с этих камер, если их еще не затерли. А также свидетелей, которые готовы дать показания. И с их помощью установить, кто входил в кабинет полковника непосредственно перед его смертью. Также надо найти телефон убитого и посмотреть, кому он звонил перед смертью. Поскольку ты единственный среди нас имеешь доступ в здание Управления, только ты и сможешь этим заняться. Как считаешь, удастся тебе с этим справиться?

Крячко пожал плечами:

– Тут, конечно, будут определенные трудности. Генерал Потапов завтра изо всех сил постарается опять увезти меня из Рубцовска куда подальше. Опять будет организована охота или рыбалка, или какая-нибудь баня с девицами. А потом генерал будет ждать, когда можно будет проводить «дорогого гостя» назад в Москву. А моя задача будет состоять в том, чтобы никуда не ездить, остаться здесь, проникнуть в Управление и там поработать. Ничего, как-нибудь справлюсь.

– Вот и отлично, – заключил Гуров. – Ужин съеден, информация получена и осмыслена, задачи поставлены. Теперь на боковую, товарищи! Здоровый сон – залог успешной работы.

Глава 7

Следующее утро Гуров решил начать с того, чтобы составить план операции «СИЗО». Перед ним стояла нелегкая задача: никому не представляясь, не опираясь на свой немалый авторитет, узнать, что творится в этом крайне закрытом учреждении, выяснить, как были убиты двое заключенных. У него было несколько вариантов действий. Можно попробовать установить контакт с Леной Смирновой, напарницей Лилии Абрамовой. Если бы этот вариант удался, то это бы означало практически полное раскрытие этого преступления. «Но много ли у меня шансов установить такой контакт? – размышлял сыщик. – Судя по рассказу Абрамовой, ее напарница полностью завязла в криминальном болоте. Она находится под полным контролем бандитов. Скорее всего, она человек слишком запуганный или корыстный. Стало быть, она тотчас же сдаст меня своим хозяевам, и это приведет к провалу всей операции. Мое расследование закончится, еще не начавшись. Нет, этот вариант не годится».

Тогда оставался другой способ. Надо было найти человека, недавно покинувшего СИЗО, и его разговорить. Есть такой тип словоохотливого бывшего зека, готового вывалить первому встречному, если он свой, все, что знает. Зеки со стажем, настоящие уголовники, таких людей презируют и называют коротко – трепло. Но для опытного оперативника такое трепло – настоящая находка.

Как разговорить такого человека, как сойти за своего, Гуров знал. Он не раз пользовался таким приемом и получал в результате нужную информацию, которую другим путем было невозможно добыть. Но где искать такого словоохотливого человечка? Подумав, Гуров решил, что самым правильным будет направиться на конечную остановку какой-нибудь маршрутки. Ведь даже в Москве значительную часть водителей таких автобусов составляли люди с криминальным прошлым. А уж в провинции таких людей должно быть еще больше.

Решение принято, дело за исполнением. Гуров надел старые джинсы, потрепанную куртку, запачканную машинным маслом, – он специально взял ее с собой для таких целей – и отправился искать нужную конечную остановку. Он заранее продумал свою легенду. Она состояла в том, что он только два дня назад освободился из СИЗО, поскольку суд по его делу (а судили сыщика якобы за драку) уже состоялся, и ему вынесли сравнительно мягкий приговор, зачли срок, который он уже отсидел. И теперь, освободившись из заключения, он приступил к поискам работы. На прежнее место, на большие автобусы, где он раньше работал, его теперь не принимают. А если его спросят, где он сидел, он скажет, что сидел в третьем корпусе, и там у них замочили двух пацанов. Но он, хотя и сидел совсем рядом, не знает, кто их убил и как вообще обстояло дело. А хотелось бы узнать.

Продумав до мелочей свою легенду, Гуров отправился на конечную остановку двух маршруток. Он эту остановку приметил еще накануне и заметил, что там всегда толпятся водители.

Придя на намеченное место, сыщик не сразу кинулся расспрашивать водителей. Сначала следовало представиться диспетчеру, который важно восседал в своем «кабинете» – в машине, припаркованной неподалеку. Диспетчер, крупный, атлетически сложенный дядька, в котором Гуров, с его опытом, сразу распознал бывшего «сидельца», выслушал его историю, покивал головой и сказал, что на работу устроиться можно – водители требуются. Надо будет прийти завтра в офис, найти хозяина автопредприятия и с ним договориться об условиях.

– Только смотри, – назидательно закончил диспетчер, – если ты алкаш, то лучше к нашему хозяину и не подходи: он пьющих не любит. Сразу таких распознает и с работы выкидывает, так что летят вверх тормашками.

Гуров заверил, что пьет только по праздникам и что завтра непременно придет писать заявление на работу. А теперь хочет просто посидеть, познакомиться с будущими коллегами.

Против этого диспетчер не возражал. И Гуров остался сидеть на скамейке на остановке. Одна за другой подъезжали все новые маршрутки, водители выходили покурить. Гуров то одного, то другого угощал сигаретами, заводил разговор. Некоторые водители отмалчивались, не желая разговаривать с болтливым незнакомцем, другие говорили охотно, но вскоре выяснилось, что в СИЗО они не сидели, а значит, интереса для сыщика не представляют.

Так прошел час, подходил к концу второй. Сыщик чувствовал, что скоро он надоест диспетчеру, и тот прогонит его с остановки. Нельзя же так долго глаза мозолить! И Гуров уже был готов признать неудачу этой попытки (ничего не поделаешь, сыскное дело не состоит из одних удач), когда к остановке подъехала очередная маршрутка. Из нее выходящей, разболтанной походкой вышел мужик возрастом около пятидесяти, довольно потрепанного вида. Гуров с первого взгляда определил: «наш человек». То есть гражданин, имевший дело с правоохранительными органами – и не одно дело. Едва вновь приехавший полез в карман за сигаретами, Гуров уже был тут как тут – протягивал ему открытую пачку.

Они вместе закурили, присели на скамейку подальше от машины диспетчера и завели разговор. Оказалось, что нового знакомого сыщика зовут Виктор. Гуров угадал правильно: Виктор уже дважды за свою жизнь отбывал срок заключения и только полгода назад освобожден. Правда, он сообщил Гурову, что в рубцовском СИЗО сидел давно, год назад. Услышав такое, сыщик уже было решил, что все его усилия пошли прахом, ничего он от нового знакомого о смерти Деменюка и Чердынцева не узнает. Но тут Виктор заявил:

– Да, давно я в нашей тюрьме не был. Тут, можно считать, мне повезло. Потому что теперь там совсем менты власть взяли. Что хотят, то и делают. Вот двух парней ни за что зарезали...

– Да, было такое дело, – подтвердил Гуров. – И я в том же корпусе сидел, что эти двое. Но сейчас все помалкивают, никто об этом деле ничего не говорит. Так что хотя я там сидел, а ничего не знаю. А ты откуда можешь про это знать? Ведь ты говорил, что давно здесь не был?

– Я сам не был, это верно, – кивнул водитель. – Но у меня дружан верный там сидит. Там же, где и ты, в третьем корпусе, в коридоре «А». И он был с женой на свидании и все ей рассказал. А его жена – мне племянница, мы с ним в родстве, и она мне все передала. Так что я теперь знающий человек по этому делу, вот как! И если хочешь, я тебе тоже все расскажу.

– Эй, Витек, ты долго собрался разговоры разговаривать? – послышался окрик диспетчера. – Тебе в рейс пора. Давай, чтобы через минуту ты был на маршруте!

– Видишь, друг Лева, – сказал Виктор, поднимаясь, – не могу я сейчас с тобой этой историей поделиться.

– А и не надо сейчас, – отозвался Гуров. – Ты когда работу заканчиваешь?

– В девятнадцать ноль-ноль, – отвечал Виктор.

– Вот я к этому времени сюда подойду, – пообещал Гуров. – И мы с тобой сходим, где-нибудь посидим, пивка попьем. Я угощаю. С тебя рассказ, с меня пиво. Страсть как люблю слушать разные истории из жизни! Договорились?

Новый знакомый отвечал, что он не против. И в семь вечера они с Гуровым встретились на той же остановке и отправились в пивную, которую Гуров к тому времени присмотрел. Взяли по кружке пива, сели за столик, и Виктор начал свой рассказ.

– Друга моего, чтобы ты знал, зовут Николай, – сказал Виктор. – Сидит он в 316-й камере, а она расположена как раз напротив 303-й, где эти двое сидели. И вот как-то (это примерно неделю назад было) Коляну ночью не спалось. И он слышит шум за дверью. Он встал, ухо к двери приложил и стал слушать. Он, Николай то есть, вообще ужасно любопытный, все ему знать надо.

– Опасное свойство, – заметил Гуров. – Сам знаешь: любопытство сгубило кошку.

– Это верно, – согласился Виктор. – Он уже и получал за то, что нос в чужие дела совал, но все никак не отучится. Так вот, Николай ухо к двери приложил и различает разговор. Разговаривали трое: надзирательница, ее Ленкой зовут, и двое мужиков. И голос одного из этих

мужиков показался Кольке знакомым. Он во многих местах работал, Николай, и одно время устроился в ЧОП «Бастион». А это, чтобы ты знал, крутое такое заведение, самое крутое в нашем городе. Владелец этого ЧОПа – сам Безруков, слышал о таком?

– Кто же о нем не слышал? – отозвался Гуров. – Человек известный. Значит, твой друг Николай работал у Безрукова?

– Ну да. И теперь, стоя в камере возле двери, услышал голос своего напарника, с которым вместе в ГБР, то есть группе быстрого реагирования, состоял. Николай мне и фамилию этого мужика называл, да я ее забыл – на что она мне сдалась? Помню только, что на букву «Ф» начиналась.

– Может, Фомин? – предположил Гуров.

– Нет, вроде длиннее немного. То ли Фоменко, то ли Фроленко – как-то так. Да это не важно, что нам его фамилия, мы же не протокол ментовский составляем! Да, а ты не считаешь, что нам пора еще по кружке взять?

– Точно замечено, – согласился Гуров. – Самое время. Вот, возьми деньги, сходи за парой кружек.

Виктор отправился к стойке, а Гуров сосредоточился и постарался запомнить услышанные детали: камера № 316, заключенный по имени Николай. Память у него была профессиональная, она была способна хранить много информации. Но Гуров чувствовал, что этим вечером ему придется выпить немало пенного напитка, и в результате такого воздействия даже его тренированная память могла подвести.

– На, держи, – сказал вернувшийся Виктор, ставя перед Гуровым его кружку. – Сейчас хлебну чуток... На чем, значит, я остановился?

– Ты сказал, что Николай услышал голоса надзирательницы и двух мужиков, – напомнил ему Гуров. – Но о чем они говорили, ты не сказал.

– Так Колян и не слышал, о чем шла речь, – объяснил Виктор. – Они же во весь голос не кричали, они сдерживались. Но Колян понял, что эти двое надзирательнице вроде как инструкции дают, что ей надо делать. А потом звякнул замок, и он понял, что открыли камеру напротив, то есть 303-ю. Потом какое-то время ничего не было слышно. А потом он услышал шаги – кто-то подошел к камере № 303 и сразу отошел. И больше он ничего не расслышал. И пошел спать. А уже днем от других зеков узнал, что в 303-й ночью зарезали двух человек, а менты говорят, что это они сами друг дружку зарезали. Друг дружку, это же надо!

– Да, полный бред, – согласился Гуров. – Да что говорить, менты на выдумки горазды. И вообще наша тюрьма – страшное место. Я вот лично знаю такой случай...

И сыщик принялся рассказывать новому приятелю различные тюремные истории – он их знал немало. Он уже не рассчитывал получить от Виктора новые сведения. Но ему было важно, чтобы у его собеседника не возникло никаких подозрений, чтобы он не подумал, что у него хитростью выманили информацию. Поэтому Гурову пришлось провести в пивной еще полтора часа и накачаться пивом до самого верха. И только потом он мог отправиться на квартиру.

Он думал, что застанет здесь кого-то из своих коллег – или Крячко, или Ряшенцева. Но квартира была пуста. И только войдя в нее, сыщик сообразил, что не позаботился об ужине – он как-то привык, что это делает Стас Крячко. Так что Гурову пришлось снова выйти и пройтись по магазинам, чтобы обеспечить всю следственную бригаду провиантом.

Когда он, нагруженный свертками и пакетами, вернулся в квартиру, она уже была открыта. А войдя, Гуров обнаружил здесь Стаса Крячко. Гуров бросил на друга один взгляд, и сразу стало понятно, что тот мрачен и зол.

– Что случилось, что ты такой мрачный? – спросил Гуров. – Что, охота была неудачной? Кабанчика не подстрелил?

– Знаешь, Лев, мне сейчас не до шуток, – отвечал Крячко.

– А что случилось? – повторил свой вопрос Гуров, сразу оставив шуточный тон. Он уже понял, что произошло что-то серьезное.

– Много всего разного, – отвечал Крячко. – И все, как назло, плохое. Начать с того, что у меня не получилось выполнить твое задание. Даже шаг в эту сторону не смог сделать. И в связи с этим я на смерть поругался с принимающей меня стороной, то есть с генералом Потаповым. А кроме того, я не обедал, а потом забыл купить продуктов для ужина. Так что сегодня я и тебя не смогу накормить, и сам пришел голодный. Одна надежда – что капитан догадается каких-нибудь продуктов купить. Или, может быть, мы с тобой в ресторанходим?

– Полагаю, что мы сможем обойтись без ресторана, – отвечал Гуров. – Потому что продукты я купил – на кухне целая груда лежит. Я думал подождать капитана, но он пока, как видишь, задерживается, а ты у нас голодный. Так что давай накроем на стол и начнем ужин. Попутно ты мне доложишь, что такое у тебя случилось с Потаповым. А там, глядишь, и Ряшенцев подойдет.

Крячко поставил чайник, быстро накрыл на стол, заварил чай, и вскоре друзья уже сидели за столом, и Крячко поглощал первый бутерброд.

– Ну, так что случилось с тобой в Управлении? – спросил Гуров.

– Едва я явился туда сегодня утром, – начал свой рассказ Крячко, – как меня еще на входе остановил какой-то капитан и сказал, что у него есть поручение от генерала Потапова: встретить меня, посадить в машину и довезти до речки Глубокой. А там уже соберется вся компания в лице Потапова и других важных людей. Сегодня, поведал мне далее этот капитан, у нас по плану рыбалка, а затем баня.

– Представляю, как ты обрадовался этим словам, – заметил Гуров.

– Да уж, обрадовался, – скривился Крячко. – Я сказал порученцу, что ни на какую рыбалку я сегодня не поеду, а буду работать с документами. Поскольку, говорю я ему дальше, я намерен уже завтра выехать обратно в Москву, и мне нужно подготовить отчет для руководства. Так что пусть генерал и другие важные люди ловят щук и сомов без меня.

– Ну, и что капитан? – спросил Гуров.

– Капитан, ясное дело, сморщился, будто уксуса выпил, и стал названивать начальству: так и так, мол, гость ехать отказывается. Ну, я его разговоры с начальством слушать не стал, а отправился в отведенный мне кабинет, разложил на столе разные бумаги и сделал вид, что полностью погружен в работу. У меня ведь был свой план. Я еще с утра догадался, что меня встретят таким вот образом. И я отговорюсь подготовкой отчета. А когда наблюдатель – то есть вот этот капитан – удалится, возьму ключ от кабинета полковника Дятлова и хорошенько там все осмотрю.

– А если бы тебе ключ не дали?

– Ну это бы меня не остановило. Ведь я люблю в замках копаться, ты же знаешь. В общем, я сел и решил выждать полчаса – этого, я считал, хватит, чтобы капитан исчез. А он и правда заглянул один раз, увидел, что я сижу, работаю, и больше не заглядывал. Ну, я и решил, что пора идти «на дело». Вышел из кабинета и отправился к дежурному по Управлению, чтобы взять нужные ключи. А мне там отвечают, что ключи эти у генерала Потапова и другого экземпляра нет. Ну, думаю, ладно, это меня не остановит. Поднимаюсь на третий этаж, где расположен кабинет Дятлова, оглядываюсь вокруг, достаю кое-какие свои инструменты... И только начинаю копаться в замке, как вдруг рядом со мной, словно из-под земли, появляется сам начальник Управления. И грозно так спрашивает, что, мол, я тут делаю. Ну, сам понимаешь, в такой ситуации мне терять было уже нечего. И я ему выложил всю правду-матку.

– Прямо всю? – встревожился Гуров. – Что ты здесь не один, что мы целой бригадой приехали, тоже сказал?

– Нет, конечно, – поспешил успокоить его Крячко. – Я ему сказал, что приехал расследовать смерть полковника Дятлова, что начальство ждет результатов. И без этих результатов

я в Москву не вернусь. Так что на всякого рода рыбалку с баней я больше не клюну, и нечего меня туда приглашать. На что полковник мне ответил, что никто меня приглашать никуда не собирается, никто от работы не отвлекает. «Нужно осматривать кабинет Дятлова – осматривайте, – заявил мне Потапов. – Только напрасно время потратите. Ничего вы там не найдете». И выдал мне ключ от кабинета.

– Ну вот, а говорил, что мое задание не выполнил, – сказал на это Гуров. – А ты, оказывается, даже в кабинет сумел войти.

– Все бы тебе шутки шутить, Лев Иванович, – буркнул Крячко. – Да, в кабинет я войти сумел. И даже осмотрел там все по-настоящему. Но Потапов оказался прав: никаких следов убийц я там не обнаружил. Возможно, бригада хороших криминалистов могла бы найти какие-то следы, и то вряд ли – чай не дилетанты работали, профессионалы. Но мне это не удалось. Тогда я захотел поговорить с сотрудниками Управления, которые видели Дятлова в день смерти. Тут я не стал спрашивать разрешения начальника Управления, а вышел из кабинета и принялся расспрашивать всех подряд. Но едва я успел опросить двоих (причем оба были сильно смущены и заявили, что знать ничего не знают), как снова прибежал генерал, на этот раз в сопровождении двух майоров. И сразу начал кричать, что не позволит мне допрашивать его сотрудников, бросать тень на весь коллектив, что будет жаловаться... В общем, мы смертельно поругались.

– То есть он фактически запретил тебе проводить расследование, – подытожил Гуров. – Но ведь это прямое препятствование служебному расследованию, нарушение воли руководства. Интересно, твой генерал Потапов это понимает?

– Понимает, конечно, – сказал Крячко. – Но, похоже, выбирает из двух зол меньшее. Он боится, что я что-то накопаю. За то, что он создал мне препятствия в работе, ему в худшем случае выговор вынесут. А по результатам расследования могут и под суд отдать. Чувствуешь разницу?

– Чувствую, конечно, – сказал Гуров. – Только на кой ты в открытый конфликт полез? Договаривались же, сидишь тихо, по возможности выясняешь отдельные факты... Осмотрел кабинет – хорошо. Можно же было намекнуть на имитацию бурной деятельности, понимаешь?

– Все я понимаю. Но и ты пойми! Достал он меня, Лева! – В сердцах взмахнул рукой с бутербродом Стас. – Достал! Я не ручная собачонка из его своры, а нормальный оперативник! А этот толстопуз чувствует себя пупом мира! Вот...

– Ладно, что уж тут поделаешь... – медленно проговорил Гуров. – И что было дальше?

– Дальше? Дальше мы с генералом поорали друг на дружку, и я вернулся в отведенный мне кабинет. Решил, что позже еще раз выйду и попробую найти какого-нибудь сотрудника, который согласится со мной поговорить. Но когда я спустя полчаса выглянул из кабинета, то увидел возле дверей тех самых двух майоров. Оказывается, их ко мне приставили, чтобы я не мог ни с кем в Управлении пообщаться. Так что мне пришлось идти в гостиницу не-солоно хлебавши. И что ты думаешь? Не успел я пройти и одного квартала, как обнаружил за собой слежку. Представляешь? За мной, официальным представителем Главка, откровенно следили!

– Представляю, – отозвался Гуров. – Это, конечно, очень обидно. И что ты сделал?

– Как что? – удивился Крячко. – Разумеется, избавился от «хвоста». Правда, для этого мне потребовалось три часа. «Хвост» оказался не один – ко мне приставили сразу троих сотрудников. Одного я легко сбросил, пройдя через торговый центр. Но еще двое прицепились, как клещи. Пришлось поколесить по городу, побегать по магазинам и ресторанам: я входил через обычный вход, а выходил всякий раз через служебный. В общем, на то, чтобы избавиться от всех «хвостов», мне потребовалось три часа. В результате я остался без обеда и теперь голоден, как волк зимой. Хорошо, что сегодня ты о нас позаботился. Да, но все же, где капитан?

– Да я сам хотел бы это знать, – отвечал Гуров. – Как видишь, капитан что-то задерживается. Хотя подожди: кажется, я слышу шаги.

И действительно, за дверью послышались шаги, она открылась, и перед друзьями предстал капитан Ряшенцев. Но в каком виде! Куртка на нем была разорвана в клочья, на лице виднелись кровоподтеки, и вообще капитан выглядел так, словно только что вернулся с поля боя.

Крячко уже собирался приступить к расспросам – что, мол, случилось, как ты дошел до жизни такой, что похож на бомжа, но Гуров его опередил.

– Так, давайте расспросы немного отложим, – сказал он. – Мы с тобой вон по паре бутербродов уже навернули, а коллега голодный. Вот что, капитан: иди-ка ты в ванную, прими душ. А потом сядешь к столу, поешь, а заодно расскажешь, что случилось.

– Согласен, – ответил Ряшенцев. – Есть идти в душ.

И он сбросил грязную куртку прямо на пол и отправился в ванную комнату.

Глава 8

Когда спустя несколько минут Ряшенцев вновь появился в комнате, он уже не выглядел как человек, вернувшийся прямо с передовой. Он успел переодеться в чистую рубашку, порезы на лице залепил пластырем и теперь хотел одного – поесть. Тем не менее, взглянув на подчиненного внимательнее, Гуров молча достал из своей сумки бутылку «Столичной», открыл ее и налил капитану полную стопку. А себе и Крячко – лишь по половинке.

– Это почему же такая дискриминация? – обиженно произнес Крячко.

– Потому, что у капитана настоящий стресс, – объяснил Гуров. – Видишь, он до сих пор в себя не придет. У тебя тоже стресс, но небольшой, а у меня и вовсе никакого. Так что нам с тобой я налил просто за компанию, чтобы капитан не чувствовал себя неловко. Ну что, я все объяснил? Тогда давайте выпьем за то, что наше расследование вступило в горячую фазу. А главное – за то, чтобы оно из этой фазы благополучно вышло. Давай, капитан, пей, ешь, не стесняйся. А когда придешь в норму, расскажешь. Я вижу, тебе есть, что рассказать.

Друзья опрокинули свои стопки, и все приступили к еде. Некоторое время за столом царил тишина. Затем капитан одолел третий по счету бутерброд, отдал должное салатам и тогда, наконец, заговорил.

– Я готов дать отчет о своих приключениях на оптовой базе «Фаворита-Р», – сказал он. – Вы мне поручили собрать информацию о поступлении и переработке наркотиков на этой базе. На этот раз я решил не полагаться на случай: то ли найду я на базе чью-то брошенную спецовку, то ли не найду – а с самого начала оделся по-рабочему. И через забор я решил больше не лазить, а пойти официальным путем. Там у них на воротах базы висит объявление о приеме на работу грузчиков и разнорабочих. Ну, я и решил пойти в грузчики. Пришел к девяти часам к окошку, где рабочих принимали. Записали у меня номер паспорта, пропустили на территорию и приставили к бригадиру. Кроме меня, там еще пяток таких доходяг имелось. И пошли мы вести погрузку-выгрузку.

Но тут меня ждало большое разочарование. Я-то надеялся, что меня поставят на разгрузку тех иранских (а может, не только иранских) фур, в которых перевозят наркотики. И там, прямо в процессе работы, я соберу все нужные сведения. Но оказалось, что, кроме нелегального товара, на базе перерабатывают еще и легальный. Причем легального, как выяснилось, гораздо больше. И меня направили грузить фуру с продукцией рубцовского консервного комбината. Приходилось тягать всякую кабачковую икру, банки с фасолью, зеленым горошком и тому подобным. На этой работе я мог провести весь день и не получить никакой нужной мне информации.

Поэтому я решил слинять со своего места работы и перейти на нелегальное положение. Когда мы загрузили вторую по очереди фуру, и в работе образовалась небольшая пауза, я вместе с другими мужиками отправился посидеть в тени, покурить. Ну а потом сказал работягам, что схожу в туалет. И отправился исследовать территорию базы.

Я быстро нашел тот склад, где был вчера. И снова прибил к работавшей там бригаде и принялся таскать коробки, туго обклеенные скотчем. Лазить в эти коробки мне было не нужно – я и так знал, что там находится. Мне надо было найти информатора – человека, с которым можно поговорить, и он бы ненароком сообщил нужные мне сведения. Практически в любом коллективе можно найти такого человека, которого хлебом не корми, а дай поговорить. И здесь я тоже быстро вычислил такого «собеседника». Звали его Леней. Я перебросился с ним парой фраз, еще когда носили коробки. Впереди был перерыв на обед, и во время этого перерыва я собирался выудить из своего нового знакомого все необходимые нам сведения.

Но кое-что я выяснил еще до перерыва – просто методом «включенного наблюдения», как нас учили в Институте МВД. Например, я оценил размер склада, на котором мы работали,

и отсюда уже прикинул, сколько наркотика здесь хранится одновременно. Получалось, что не меньше двух тонн. Представляете масштаб?

– Да, масштаб впечатляет, – согласился Гуров. – Признаться, мне до сих пор не пришлось видеть столько отравы в одном месте. Сколько же это добро может стоить?

– Ну, если капитан Дима правильно оценил размер этого склада и общий вес груза, то там лежит товара примерно на триста миллионов рублей, – заключил Крячко.

Спорить с ним никто не стал: Гуров знал, что его друг расследовал много дел, связанных с торговлей наркотиками, и разбирался в таких вещах.

– Еще я заметил, что одновременно на складе обрабатывают четыре машины, – продолжал Ряшенцев. – Одна, на которой я работал, разгружалась, а три загружались. И если наша фура имела на себе номера Азербайджана, то три машины, стоявшие под погрузкой, были наши, российские.

– Понятно, – кивнул Гуров. – То есть эта база является перевалочной. Возможно, это крупнейший пункт по перевалке наркотиков во всей Российской Федерации. Сразу становится понятно, отчего генерал Потапов так вовлечен в дела преступного синдиката. Видно, он имеет в нем немалую долю. Ладно, давай рассказывай дальше, а то мы тебя прервали. Так удалось тебе получить дополнительные сведения от твоего знакомого Лени?

– Можно сказать, что нет, не удалось, – признался капитан. – Если я и получил информацию, то лишь самую малость. Сейчас я расскажу, почему так получилось.

Когда наступило время обеда, большинство рабочих никуда не пошли: они присели у стены и развернули принесенные из дома пакеты с едой. Но у меня такого пакета не было. И у моего знакомого Лени, как выяснилось, тоже не было. И мы отправились в столовую. Точнее, почти побежали, потому что, как объяснил мне Леня, на этом предприятии на обед отводилось всего полчаса. Хорошо, что столовая здесь располагалась в соседнем корпусе, так что идти было недалеко. Мы с моим напарником взяли по второму блюду и сели за столик. И я тут же приступил к расспросам – ведь времени у нас в обрез, а спросить нужно о многом. К тому же я понимал, что тут не деловой разговор, а ленивая дружеская беседа, темп передачи информации здесь невысокий...

– Видно, что человек не так давно учился в Институте, – прервал капитана Крячко. – Узнаю знакомые обороты! «Метод включенного внимания», «темп передачи информации»...

– Ладно, не мешай капитану рассказывать, – отозвался Гуров. – Я вот вижу, что он не просто учился, а учился хорошо. Так что он успел тебе рассказать, Дмитрий?

– Сказал, что машины под разгрузку приходят ежедневно, по три-четыре в день, – продолжил свой рассказ Ряшенцев. – А вот под загрузку ставят не всегда – это зависит от ситуации в тех или иных областях. Приходят машины со всей Европейской части России, от Архангельска до Астрахани, и из Екатеринбурга приходят, и даже из Омска. Только с Дальнего Востока нет. Еще Леня успел мне сообщить, что работает здесь, на складе, полгода, и очень доволен: платят хорошо, и есть возможность приобрести «кокс» по оптовой цене.

Мой собеседник был готов рассказывать и дальше, но тут в столовую вошел бригадир, под началом которого я работал утром, грузил кабачковую икру. А с ним вместе шел какой-то мордатый мужик, похожий сразу и на кабана, и на шакала. Сразу видно было человека с криминальным прошлым. Они осмотрели зал, бригадир увидел меня и что-то сказал этому мордату. И тот направился прямо ко мне. «Ну-ка, – он мне говорит, – сокол, пойдем со мной, разговор есть». Я понял, что этот человек у них вроде как ответственный за безопасность, и что моей работе на этой базе пришел конец, и что мне теперь надо думать не о том, как собрать дополнительные сведения, а как выбираться из этой ситуации.

Ну я встал с таким видом, что ничего не понимаю, мол, мужик, какие ко мне претензии? И сразу стал бормотать, что я от работы совсем не увиливал, просто на другом складе решил поработать. Вон, все ребята с того склада скажут, что я таскал наравне со всеми. И мой новый

друг Леня подтвердил, что я работал, как все. Только этот мордатый нас не слушал. Его совсем не интересовало, сколько мешков или коробок я погрузил. Как только я встал из-за стола, он тут же крепко взял меня за руку и повел к выходу. А на ходу приговаривал: «Поработать, значит, пришел? Сейчас узнаем, как ты тут работал, и откуда ты пришел...» Ну, я ему не возражал, не вырывался. Мне важно было до выхода дойти.

И вот, когда мы вышли из столовой, я решил, что хватит мне смиренного работягу изображать. Этот мордатый держал меня за правую руку и думал, наверное, что этим он меня вполне обездвигил. Но он не знал, что я обеими руками одинаково владею. А я, как только оказался снаружи, нанес ему два удара: один в район солнечного сплетения, в нервный узел, а второй – по шее. Бил, надо признать, со всей силы – это был такой боров, что убить я его никак не мог, а мне надо было наверняка пробить все слои его сала и мускулов.

И мне это удалось. Мордатый зашатался, словно подрубленный столб. А я его оттолкнул и пустился бежать. Тот бригадир, который пришел в столовую вместе с мордатым, попытался было меня преследовать, но пробежал он недолго – я чуть задержался, чтобы он меня догнал, и тоже вырубил. А потом уже помчался в дальний конец базы.

– Не к воротам? – уточнил Крячко.

– Зачем же мне к воротам? – удивился Ряшенцев. – Там мощный караул, все с оружием, и все драться умеют. Там я бы не прорвался. Нет, я бежал в тот угол, где вчера смог перелезть через стену. Я решил, что если вчера смог перебраться, то и сегодня смогу. Но я не учел, что стена базы с внутренней стороны выше, чем снаружи. И гладкая она, сволочь, – ногу некуда поставить. Тут я увидел, что чуть дальше у стены лежит груда ящиков. Вот это было то самое, что мне требовалось. И я припустил к этим ящикам.

И тут вдруг сбоку, со стороны расположенного там склада, грохнул выстрел. И метко стреляли, гады! На мне бейсболка была, так ее с головы пулей сорвало. Прямо по волосам пуля чиркнула. Я глянул на бегу вбок и увидел, что оттуда, от склада, мне наперерез спешит группа из трех человек. И двое из них вооружены – карабины у них в руках.

Я понял, что тактику надо менять. Перескочить через стену под огнем из двух стволов было делом совершенно нереальным. Останавливаться, сдаваться этим головорезам тоже было нельзя – живым с этой базы я бы уже не вышел. Оставалось одно – схитрить. И я остановился, и руки в стороны развел – вот, мол, я, готов сдать, ребята, и оружия никакого у меня нет.

– А на самом деле как было? – спросил Гуров. – Ты что, не взял с собой оружие?

– Нет, не взял, – отвечал Ряшенцев. – Ведь когда погрузкой-выгрузкой занимаешься, кобура мешать будет. К тому же сейчас тепло, во время работы все снимают куртки. И где бы я тогда спрятал пистолет? Я и без огнестрела могу за себя постоять. Что я, в общем, и доказал в той ситуации на базе. Ведь там что дальше было? Когда я остановился – все, мол, сдаюсь, – они подошли ко мне вплотную. Тут я смог их хорошенько разглядеть. Двое из них – те, что держали карабины – явно бывшие полицейские или военные. Высокие, жилистые, оружие держат, словно дирижер свою палочку. А третий – явно бывший уголовник. Такой мощный боров, вроде того, который меня в столовой пытался схватить.

Ну они ко мне подошли, и один из бывших военных, тот, кто постарше, командовал: «На землю, гад! Ложись, тебе говорят!»

Выполнить это требование я никак не мог. Если бы я лег, они следующим шагом надели бы на меня наручники – и все, это конец. Когда лежишь на земле, сопротивляться трудно. Поэтому я вроде бы начал ложиться, встал на четвереньки, но уже в следующую секунду использовал эту стойку, чтобы броситься на второго бывшего военного, того, что помоложе. Ему я тоже нанес удар по шее, как и первому, мордатому мужику. И результат был такой же – молодой парень рухнул на землю. У меня был соблазн схватить его карабин и пустить его в ход. Но я хорошо понимал, что второй мужик, более опытный, мне этого не даст сделать. Он бы выстрелил раньше, чем я возьмусь за оружие. И с такого расстояния (нас разделяли метра

три) он бы не промахнулся. Поэтому я не стал нагибаться за карабином, а бросился к мощному борову, ударил его в солнечное сплетение, а когда он согнулся от боли, толкнул его на лидера этой группы – того, который отдавал мне команды.

Стрелять он в этот момент не мог – «боров» загоразивал ему сектор. А я, пользуясь этим, выскочил из-за спины «борова» и ударил бывшего солдата в локоть. Это был болезненный удар – после него рука некоторое время не двигается. И я считал, что после этого мне достаточно будет нанести этому противнику еще один-два удара по шее – и все, я его выключу надолго. После этого можно было и на стенку прыгать.

Но получилось иначе. Действительно, рука у бывшего военного на время отключилась, и он выронил карабин. Но он другой рукой (как назло, правой) двинул мне прямо в лицо. Это после того удара у меня такие вот фингалы под глазами, и на щеке тоже. Наверное, он тоже думал, что он меня этим ударом вырубит. Но я оказался крепче.

В общем, мы начали драться. Причем время в этой драке работало на него. Я хорошо понимал, что двух других я вырубил ненадолго, через минуту-другую они вернуться в строй, и тогда я буду иметь дело с тремя противниками. Все надо было решить за какие-нибудь пятнадцать-двадцать секунд.

Поэтому я пошел в атаку. Прыгнул, нанес ему удар ногой, а затем, не останавливаясь, подкатился под него и снова ударил ногой, но уже в пах. Как вы понимаете, удар нехороший, человека таким ударом покалечить можно. Но у меня не было выбора. В общем, я своего добился – я его вырубил. Тогда я схватил оба их карабина и вместе с ними кинулся к этой куче ящиков. Там я бросил карабины (зачем мне были эти их трофеи?), вскочил на ящики, с них перескочил на стену и спрыгнул с другой стороны. Рядом была куча гаражей, еще какой-то заводик – и я бросился в ту сторону. Проскочил через гаражи, обогнул заводские строения, прошел еще несколько улиц и, наконец, вышел к автобусной остановке. А оттуда уже доехал сюда.

– Карабины-то, небось, голыми руками брал? – нахмурился Гуров, понимая, что в этом случае местная шайка-лейка вполне может попытаться привлечь парня к ответственности. «Пальчики» на стволах остались? Паспорт на проходной засветил? Все, парень, можно сесть, и надолго! Крячко, по всей видимости, пришел к аналогичному мнению и мрачно воззрился на Ряшенцева. Но тот замотал головой:

– Да что я, дурной совсем? Через полу куртки прихватил. Не оставлять же там! «Сняли» бы, очнись парни не вовремя!

Гуров и Крячко дружно покивали головами.

– Теперь понятно, почему ты пришел такой ободранный, – заметил Крячко. – Я сразу понял: «Парень дрался». А ты, оказывается, не просто дрался, а спасал свою жизнь! Потому что этим ребятам, как я понимаю, ничего не стоило тебя там пристрелить. Но ты молодец – отбил.

– Да, но теперь у них есть данные твоего паспорта, – заметил Гуров. – Я уверен: уже сейчас эти данные передали во все гостиницы города, на вокзалы, а также на посты ДПС. В общем, я не удивлюсь, если гражданина Ряшенцева объявят в городе Рубцовске, а также во всей области в розыск. Это значит, что тебе в ближайшее время нужно быть особо осторожным. Ты теперь в здешних краях проходишь как особо опасный преступник.

Капитан пожал плечами:

– Но что они мне могут предъявить? В чем обвинить? В том, что я перешел работать с одного склада на другой? Что не выполнил норму? Так я за свою работу ничего не получил. Наоборот – это они мне должны, а не я им!

– Нет, Дмитрий, видно, что ты еще молод, а потому наивен, – заявил ему Крячко. – Обвинять тебя будут, конечно, не в плохой работе. А в том, что ты незаконно проник на территорию базы, напал на сотрудников охраны, причинил им травмы. Может быть, даже убил кого-то. А

еще ты торговал наркотиками и вербовал на базе мелких распространителей. В общем, лет на десять обвинений на тебя наберут.

Ряшенцев в изумлении покачал головой:

– Не может быть! Ведь ничего этого не было! Откуда они возьмут доказательства, чтобы поддержать в суде всю эту выдумку?

– Думаю, что здесь такие суды, что для них улики готовить не надо, – сказал Гуров. – Все зависит от того, кто выдвигает против тебя обвинение. В общем, скажу тебе так, капитан: в ближайшие дни тебе лучше из дома не выходить. Хорошо, что мы у хозяина этой квартиры не регистрировались, и что приехали не на поезде, а на своей машине.

– Да, ты оказался прав, когда с самого начала так законспирировался, – заметил Крячко.

Гуров встал и прошелся по комнате.

– Итак, что мы имеем? – рассуждал он вслух. – Банда Безрукова создала в Рубцовске крупную оптовую базу по перевалке наркотиков. Зелье доставляют фурами из некоторых соседних стран, здесь временно складировуют, а затем рассылают мелкими партиями по областным центрам. Преступники обзавелись надежной «крышей» в виде руководства местного УВД, а также других правоохранительных органов. Все эти люди находятся в доле от бандитской выручки, все они связаны круговой порукой. Тех, кто пытается им помешать, они безжалостно уничтожают. Так погиб полковник Дятлов, были устранены бывшие наркоманы Деменюк и Чердынцев, вставшие на путь исправления. Я не удивлюсь, если узнаю, что были и другие жертвы. Дмитрий проделал большую работу и выяснил много фактических данных о здешней наркоторговле. Но в результате он был вынужден раскрыться и теперь временно выведен из игры. По крайней мере, завтрашний день капитан проведет здесь, в квартире.

– Но, Лев Иванович, может быть, я могу хотя бы... – начал Ряшенцев.

Но Гуров не дал ему договорить.

– Нет, не можешь! – резко оборвал он капитана. – Ты должен понимать: сегодня на оптовой базе тебе угрожала смертельная опасность. Конечно, здесь, в Рубцовске, она угрожает всем, кто пытается бороться с бандитской группировкой. Но ты сегодня проник в их тайну, ты разворошил осиное гнездо. И теперь на тебя будет объявлена настоящая охота. Стасу тоже стоит проявить осторожность: хотя он лицо официальное, и с ним нельзя поступить, как с капитаном или даже как с полковником Дятловым, но он сегодня открыто заявил о своих намерениях, и теперь он тоже подвергается опасности. К счастью, враги еще не знают о моем существовании. Так что завтра начинаю работать в полную силу. Пока что я действовал лишь в четверть своих возможностей, не больше. Это надо исправить. Короче, берусь за дело всерьез, тогда, возможно, мы со всем разберемся. Мне кажется, мы узнали уже много. Передадим собранные данные бригаде из Главка, пусть тоже начинают шевелиться. Мне кажется, через пару дней мы уже сможем вернуться в Москву. Главное – не наделать сейчас ошибок, не допустить, чтобы враги нас выследили. Поэтому я прошу тебя, Стас: когда будешь возвращаться к себе в гостиницу, будь внимателен. И в номере тоже будь осторожен – они могут устроить против тебя какую-нибудь провокацию. Но я повторюсь: если мы будем действовать правильно, через несколько дней закончим расследование и сможем вернуться домой.

Гуров глубоко ошибался. Но в тот момент он об этом еще не знал.

Глава 9

Оперативники посидели еще немного, обсуждая события дня и намечая планы на завтра. Крячко требовал у Ряшенцева телефон капитана Башмакова. Он заявил, что завтра с раннего утра постарается сам связаться с капитаном и попросит, чтобы тот вывел Крячко на кого-то из коллег, готовых рассказать об убийстве Дятлова.

– Действовать официально, сидя в кабинете в здании Управления, больше нет смысла, – рассуждал Крячко. – Потапов мне и шагу не даст ступить. Значит, надо и мне переходить на нелегальные, окольные методы сбора информации. А ты, Лев, что будешь делать?

– У нас с тобой, Стас, удивительное совпадение планов, – отвечал Гуров. – Я тоже завтра планировал встретиться с капитаном Башмаковым. Надо использовать возможности нашего здешнего союзника. Так что давай поступим следующим образом: договариваться о встрече с капитаном буду я. А потом уже извещу тебя. Возможно, я передам сообщение с помощью нашего с тобой кода. Придется тебе немного поломать голову, чтобы разгадать мое послание. Но я уверен, что ты с этой задачей справишься.

– Справлюсь, не сомневайся, – заверил его Крячко.

Дело в том, что Гуров и Крячко с давних пор разработали собственную систему условных сообщений, на тот случай, если опасались подслушивания. Если они намечали встречу, то кодировали место и время встречи двумя условными фразами. Например, вокзал обозначали словом «ямщик», ресторан или кафе – трактир. Во второй фразе обязательно содержались цифры – время встречи.

Крячко еще раз заверил Гурова, что будет ждать его звонка или эсэмэс-сообщения, и ушел – ему предстояло возвращаться в свою гостиницу, Оперативники убрали со стола и легли спать. Ряшенцев, побывавший сегодня в настоящей схватке, уставший, уснул сразу. А Гуров некоторое время не спал. Он обдумывал план не только на завтрашний день, но и на более длительный срок – до конца расследования. «Пожалуй, я сегодня погорячился, когда сказал, что скоро мы закончим здесь все дела и уедем домой, – думал он. – Нет, рано думать об отъезде. Дел тут еще невпроворот. Впрочем, многое будет зависеть от того, что завтра расскажет Башмаков. А еще я чувствую, что нам надо подготовить «запасной аэродром» – еще одну квартиру. Прежде всего для Стаса, но и для нас тоже. Здешние бандиты, судя по всему, ребята совершенно безбашенные, способные на все. Надо соблюдать осторожность». С этой мыслью он заснул.

На следующее утро, сразу после завтрака, Ряшенцев по просьбе Гурова позвонил капитану Башмакову.

– Слушай, Леонид, – сказал он, – тут один человек хочет с тобой встретиться. Ты не против?

Поскольку он раньше уже сообщил Башмакову, что приехал в Рубцовск не один, а вместе с легендарным полковником Гуровым, то был уверен, что капитан сразу поймет, о ком идет речь. И тот действительно сразу все понял.

– Буду рад, – сказал он.

– Там же, где и раньше? – продолжал переговоры Ряшенцев.

Башмаков немного подумал и ответил так:

– Нет, давай лучше возле того места, но твой знакомый сядет ко мне в машину, и мы поедem, покатаемcя. Так пойдет?

Ряшенцев передал предложение Гурову, и тот внес уточнение:

– Скажи своему другу, что я не сяду в его машину – у меня свое авто есть. Я поеду за ним. А что касается времени, то лучше не тянуть – встретиться прямо сейчас. Скажем, в 9.30.

Ряшенцев передал предложение Гурова, и Башмаков согласился. Тотчас Гуров послал Крячко эсэмэс такого содержания: «Жду вечером в трактире у дороги. Ямщик привезет 930 тысяч». Крячко, знавший, что Ряшенцев встречался с Башмаковым в кафе «Дорожное», должен был понять, что речь идет именно об этом заведении. Цифры обозначали время. А слово «вечером» было вставлено специально для того, чтобы ввести в заблуждение противника.

Гуров решил отправиться на встречу тотчас же, хотя у него был в запасе почти час. Он знал, что лучше подождать на месте, внимательно там все осмотреть, прикинуть, нет ли наблюдателей. Поэтому он собрался, съездил на заправку, а уже оттуда направился к кафе. Машину он поставил за квартал от места, где располагалось заведение. Вышел, осмотрелся, затем не спеша прошелся до забегаловки, купил хот-дог, вышел на улицу, сел в тени и стал поедать бутерброд и наблюдать за подъезжающими машинами и входящими в кафе людьми.

Первым к месту встречи прибыл Стас Крячко. Он приехал на такси, расплатился с водителем, огляделся и вошел в кафе. И тут же с разных сторон к зданию устремились «топтуны» – те, кому было поручено следить за оперативником. За пять минут Гуров насчитал четверых. Трое подъехали на машинах, один пришел пешком. И этот пришедший зашагал следом за Крячко, а остальные остались снаружи. Оставалось только поражаться, под каким плотным колпаком находился сейчас Стас. И речи не могло идти о том, чтобы он смог участвовать в совместной встрече с Башмаковым. Чтобы избавиться от такой плотной опеки, Крячко понадобилось бы часа два. Поэтому Гуров достал телефон и послал другу такую эсэмэску: «Ямщик заболел, «скорую» вызывали четыре раза». Участие Крячко исключалось, оставалось дожидаться Башмакова и сделать так, чтобы шпики его не увидели – ведь они работали в одном Управлении и могли знать капитана в лицо.

Гуров подумал и отправил Башмакову эсэмэс такого содержания: «Лучше остановить паровоз, не доезжая до станции, после чего сообщить диспетчеру». И стал ждать. Прошло минут десять, и ему пришел такой ответ: «Встал на запасном пути. Состав нагружен углем». Сыщик усмехнулся, прочитав такой текст: капитан из Рубцовска, которого он еще в глаза не видел, оказался сообразительным человеком, все схватывал буквально на лету. Можно было отправляться на поиски «состава, нагруженного углем».

Он прошел один квартал в одну сторону, не увидел там ничего подходящего, повернулся и направился в другую сторону. И там заметил машину китайской марки угольно-черного цвета; за рулем в ней сидел молодой парень. Гуров не спеша поравнялся с этой машиной, остановился рядом с дверцей водителя. Когда стекло в дверце немного опустилось, он произнес, не наклоняясь – чтобы не было видно, что он разговаривает с водителем:

– Я сейчас подъеду. Езжай вперед, на другое место встречи, я за тобой.

Повернулся и направился к своей машине. Спустя несколько минут он подъехал к «китайцу». Тогда черная машина тронулась с места и направилась прочь от кафе «Дорожное», в котором томился Крячко, плотно обложенный шпиками.

Ехать вслед за машиной Башмакова пришлось довольно долго. Они проехали через весь город и выехали на загородную трассу. Дорога поднималась в гору, по сторонам пошел лес. Лесная чаща с золотистой осенней листвой тянулась по обе стороны около километра, затем с одной стороны лес отступил, открылась площадка, на которой была оборудована парковка для машин, стояли скамейки и даже беседки. Черная машина свернула на эту парковку и встала. Гуров припарковался неподалеку. Он все еще опасался подходить к Башмакову – он не был уверен, что за ними не велась слежка. Однако здесь, на пустынной площадке, шпикам было бы трудно вести наблюдение, оставаясь невидимыми. А когда Башмаков вышел из машины и по лесной тропинке пошел в глубь леса, Гуров оставил колебания и двинулся вслед за ним. «Сопровождению» тут неоткуда было взяться, если только парни не научились порхать с ветки на ветку.

Они прошли метров сто, потом Башмаков остановился, поджидая Гурова.

– Здравствуйте, Лев Иванович! – сказал он, стискивая руку сыщика. – Вот при каких условиях довелось с вами познакомиться! Нам с вами приходится прятаться, устраивать конспиративные встречи! Мы не можем просто пообщаться в кабинете, за рабочим столом...

– А что плохого в таких условиях? – отозвался Гуров. – Лично мне нравится. Лес, тишина... Чувствуете, как опавшей листвой пахнет? А в кабинете мы еще успеем насидеться. Однако перейдем к делу. За прошедшие сутки наша группа набрала достаточно новой информации, и теперь мы, в общем, представляем, что творится у вас в Рубцовске. Но нам не хватает нескольких важных деталей, без которых нельзя передавать дело в суд. Прежде всего это касается убийства полковника Дятлова. Нам необходимо знать, как это произошло, иметь хотя бы одного подозреваемого и хотя бы одного свидетеля. Ты можешь нам с этим помочь? Это у меня к тебе первый вопрос. Второй вопрос касается нашего пребывания в вашем городе. Нам срочно нужен «запасной аэродром» – адрес, куда мы можем отправиться, если нам будет угрожать опасность. Есть у тебя на примете что-то подходящее? Вот мои два главных вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.